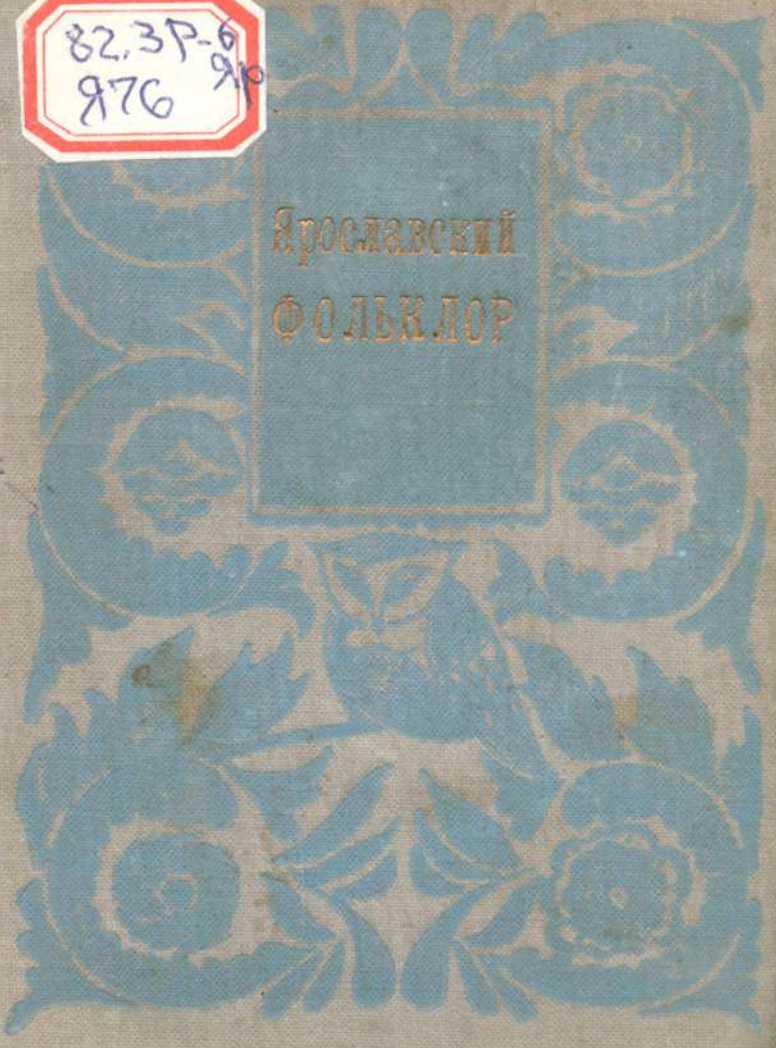

82.3P-6
976 9P

Ярославский
Фольклор

~~8-80~~ 82.3P-6
976 яр

ЯРОСЛАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ДООКТЯБРЬСКИЙ

6/4

1981

Составили:

Б. Н. Быстров и Н. Е. Нови

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система

г. Ю. Крупянский, г. Сидельников
г. Ярославль

ОБЛАСТНОЕ
ЯРОСЛАВСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 3 8

Ярослав

№ - 202856 - 1

✓

П Р Е Д И С Л О В И Е

Устное народное творчество — фольклор — ярко и образно знакомит нас с историей нашей страны, ее бытом и нравами, с ее сложной общественной жизнью.

Вся горькая подневольная жизнь народа — солдатчина, тяжелая женская доля, рабский труд — выражены в глубоких поэтических образах. Но „фольклору, — как это отмечает великий знаток и ценитель народного творчества А. М. Горький, — совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и

уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами". В устном творчестве народа выразилась его вековая мечта о лучшей и справедливой жизни, в нем нашла свое выражение подлинная история трудового народа. В. И. Ленин высоко ценил народное творчество. „Какой интересный материал,— восклицает он по поводу одного из фольклорных сборников.— Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных".

В своих песнях, сказках, преданиях народ рассказывает о богатырях и героях, об их подвигах, о борьбе за свою независимость. Народ в острой саркастической сказке едко высмеивает своих эксплуататоров. Например, в сказке „Поп и работник“ (11) *) рисуется образ дьякона-сластолюбца и глупого попа. Батрак в этой сказке раскрывает „любовные похождения“ дьякона, наказывает его (везет в город, вымазанного в саже, и выдает за чорта) и обманывает попа, заставляя его продавать сажу. В торжестве батрака над по-

*) Помещенные в скобках цифры означают номера текстов в данном сборнике.

пом и дьяконом ярко выражена классовая настроенность народа против духовенства. Сказка об „Ерше Ершовиче“ (5) является сатирическим изображением суда, направленным против боярства. Своего рода памфлетом является и скоморошья песня „Мтицы“ (35), сатирически изображающая в лице птиц представителей разных сословий древней Руси. Ядовито сказочник издевается над жадностью и скупостью богача в сказке „Два брата“ (8) и т. д.

Во всех своих сказках бедный мужик, батрак как представители трудового народа в столкновении с баринном, попом берут перевес. Народ метким словом бил своего врага, смеялся над ним, потому что верил в свои силы, в свою победу.

Современное народное устное творчество разносторонне отражает нашу эпоху, эпоху победившего социализма. Великая Октябрьская социалистическая революция, годы гражданской войны, индустриализация и коллективизация страны, большевистская партия, образы великих вождей народа Ленина и Сталина, оборона нашей цветущей родины, Сталинская Конституция, — все это находит яркое отражение в высокохудожественных произведениях устного творчества народов Советского Союза. Этот материал служит ценнейшим историческим источником.

Советская эпоха выдвинула ряд выдающихся певцов и сказителей — казахский певец орденоносец Джамбул, недавно умерший дагестанский народный поэт Сулейман Стальский, русские сказители были М. С. Крюкова, Ф. А. Конашков, сказочник М. И. Коргуев и другие. В своих произведениях они откликаются на все наиболее значительные события нашей эпохи; лучшие свои песни они посвящают любимым вождям Ленину и Сталину.

Прекрасные образцы современного фольклора опубликованы в книге „Творчество народов СССР“, выпущенной редакцией „Правды“ к XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

К сожалению, на местах еще недостаточно развернута работа по собиранию и изучению произведений устного народного творчества как дооктябрьского, так и послеоктябрьского. Это в полной мере относится и к Ярославской области.

Планомерная и систематическая работа по собиранию произведений фольклора почти не велась до последнего времени. Ни один из районов в Ярославской области не изучен в отношении фольклора полностью, во всем многообразии его поэтических жанров. Внимание краеведов-собирателей было обращено, главным образом, на собирание песен, частушек, обрядового фольклора.

Материал, опубликованный до Великой Октябрьской социалистической революции в газетах, журналах и сборниках, страдает всеми недостатками, типичными для собирательской работы того времени, с его взглядами на народное творчество, как на безличное и „безыскусственное“. За редким исключением материал, опубликованный в то время, не снабжен никакими сведениями об авторах записываемых текстов — певцах, сказочниках. Этим значительно снижена его научная ценность.

Царская цензура и буржуазные составители сборников выхолащивали политические, революционные мотивы в публикуемых произведениях народного творчества.

Собирательская работа дореволюционного времени безусловно далеко не охватила всего устного народного творчества области, столь интересной по своему историческому прошлому.

Нынешняя Ярославская область является одним из основных и старейших центров древней Руси. Такие города, как Ростов, Переславль, Ярославль, Углич, Кострома, сыграли крупнейшую роль в истории русского народа. Ряд значительных исторических событий происходил на территории нынешней Ярославской области: ярославцы не раз давали отпор татарским полчищам, разорявшим

страну, ярославцы принимали деятельное участие вместе со всем русским народом в Куликовской битве 1380 г. Все это также имело свое отражение в фольклоре. В сборнике, например, дана былина об Алеше Поповиче и сделано это не случайно, так как Алеша Попович родом из Ростовской земли (ныне Ярославской области) и, согласно летописным сказаниям, погиб он в 1224 г. во время Калкской битвы, как „ростовский храбр“, защищая родину от захватчиков-интервентов.

В начале XVII в., в годы борьбы против польской интервенции Ярославль явился сборным пунктом русских войск, поднятых Мининым и Пожарским на борьбу с интервентами. К этому периоду относится публикуемая в сборнике былина — песня о русском воине Федоре Басе. И в общей экономической и хозяйственной жизни страны Ярославская область сыграла немаловажную роль. Со времени открытия морского архангельского пути (XVI в.) Ярославль, расположенный на Волге и на центральном торговом пути между Москвой и Архангельском, делается главным посредником в торговле Москвы с Англией, Голландией и Персией. Здесь находится также один из древнейших текстильных центров. В Ярославле расположена была одна из старейших крепостных

мануфактур — Ивана Затрапезного (ныне комбинат „Красный Перекоп“), организованная по инициативе Петра I в 1722 г. Такими же старейшими текстильными центрами являются Костромской и Нерехтский районы. Здесь, в Ярославском крае издавна развивалось льноводство и домашнее крестьянское ткачество. На домашних станках ткались холсты, скатерти, салфетки, убрusy, полотенца с различными узорами. Известно, что еще в XVIII в. крестьяне ряда сел Ярославского края (Брейтово, Черкасово) работали приписными ткачами на так называемый „государев обиход“. *)

Крестьянство края вынесло на своих плечах всю тяжесть крепостничества, капиталистической эксплуатации, гнета самодержавия.

С ростом классового самосознания рабочие переходили от стихийных выступлений против своих угнетателей к более организованным формам борьбы. Вся последующая история борьбы рабочего класса Ярославской и Костромской губерний, как и всего рабочего класса России, богата крупными революционными событиями; все это несомненно не могло не найти своего отражения в устном творчестве — в песнях, сказках, частушках. Произведения рабочего фольклора совер-

*) „Крепостная мануфактура в России“, ч. 3, издание Академии Наук, П. 1931 г.

шенно выпали из поля зрения фольклористов прошлого века, или, точнее, сознательно ими игнорировались. Мало сделано для собирания рабочего фольклора и в наше время. Но даже те немногочисленные записи рабочего фольклора, которые публикуются в настоящем сборнике, заставляют думать, что при систематической, планомерной собирательской работе несомненно удастся обнаружить и собрать чрезвычайно богатый и яркий рабочий фольклор.

Ярославская область издавна являлась крупнейшим центром русской культуры, литературы, театра. Отсюда вышли: основатель русского театра Ф. Г. Волков, Л. Н. Трефолов — автор популярной песни „О камаринском мужике“ и знаменитой русской „Дубинушки“. Великий русский поэт Н. А. Некрасов теснейшим образом связан с Ярославской областью. Поэт свое детство провел в селе Грешнево, ныне Некрасовского района. С Грешневым, Волгой, окрестностями Грешнева связано большинство произведений Н. А. Некрасова. Здесь поэт впервые познакомился с подневольной жизнью крестьян, с их бытом, здесь он впервые услышал песни бурлаков „подобные стону“. Н. А. Некрасов неустанно изучал неисчерпаемый источник — народное творчество „родимого края“. Устное народное творчество

„родимого края“ оказывало большое влияние на творчество Некрасова. Но фольклор, питавший творчество поэта, еще недостаточно собран и изучен. Ближайшая задача местных литературоведов, краеведов и фольклористов заняться этим интересным, любопытным и ценным для науки вопросом.

Еще менее изучен и собран современный советский фольклор, отражающий завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и те поистине замечательные сдвиги, которые произошли за двадцать лет в быту и сознании трудящихся. Особенно большой пробел замечается в отношении собирания произведений современного рабочего фольклора.

Необходимо приступить к планомерной работе по сбору всех видов устного народного творчества, отражающего прошлое и настоящее Ярославской области. Издаваемый сборник, в основном состоящий из ранее опубликованных в местной печати материалов, является лишь первым шагом в предстоящей огромной работе по изучению и освоению фольклорных богатств области.

В настоящем сборнике читатель найдет образцы поэтического творчества, отражающие разнообразную и сложную жизнь края до Великой Октябрьской социалистической революции. Крепостное право (барский произ-

вол, нищета деревни, рекрутчина, двадцатипятилетняя солдатская служба и т. д.) отражено в различных жанрах народного творчества. В сборник включены образцы народной драмы, весьма популярной на территории нынешней области, как например, „Афонька и барин“, „Афонька малый“, „Помещик и староста“, даны рекрутские и солдатские, разбойничьи песни, частушки. Большой раздел составляют произведения, рисующие деревню, зажатую в тиски помещичье-капиталистического строя.

Протест против крепостнического и капиталистического гнета, против рабского положения женщины нашел различное художественное выражение: в сатирико-бытовой сказке — „Чего на свете не бывает“, „Злой барин“, „Поп и работник“, „Два брата“, в глубоких лирических песнях о женской доле, в семейной обрядовой поэзии.

„На чужой-то на сторонushке,
Посылали меня молоду,
Посылали меня молоду,
Во глухую полночь по воду...
.....

Свекор-батюшка костит-бранит;
А свекровушке-то набить велит,
Одна милая золовушка
За меня слово замолвила“.

В фантастике волшебной сказки выражалась мечта народа о радостном, свободном труде, о лучшей, счастливой жизни.

К сожалению, часть материалов, публикуемых в сборнике, относящихся по времени записи к прошлому веку, несколько архаична даже и для своего времени. Объясняется это общей для фольклористики прошлого века тенденцией собирать только старые, традиционные фольклорные произведения, игнорируя те живые творческие процессы, которые происходят в народной поэзии. Новые фольклорные произведения и даже все изменения в старых (новые мотивы, новый словарь) считались „порчей“, искажением, падением подлинного народного творчества. Такие произведения совершенно не записывались.

Однако дореволюционный фольклор Ярославской области подвергнут в значительной степени влиянию рабочих центров и больших городов. Крестьянство Ярославской и Костромской губерний, зверски эксплуатируемое, с давних времен (XVIII в.), было вынуждено уходить на заработки в город. Широко развивался кустарный промысел. Поэтому в Ярославском песенном репертуаре значителен удельный вес городского романса, народных переделок литературных произведений. В данном сборнике эти стороны народной поэзии отражены слабо.

Составители, не претендуя на полноту сборника, поставили перед собой задачу познакомить читателя с характерными образцами устного творчества области. Надо полагать, что сборник привлечет внимание местных писателей, краеведов, учителей и широких учительских масс, даст толчок к более углубленному и всестороннему изучению устного творчества народа.

В. Крупянская.

В. Сидельников.

Б Ы Л И Н Ы

1

Алеша Попович и Тугарин

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные сокола вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алешенька Попович млад,
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское,
Они ездили гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поли не наезживали,
Не видали они птицы перелетные,
Не видали они зверя прысучего,
Только в чистом поли наехали —
Лежат три дороги широкие;

Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
„А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек,
Посмотри на каминю подниси,
Что на каминю подписано“.
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на каминю подписи;
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
„А и, братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?“
Говорил ему Алеша Попович млад:
„Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру“.
В та поры поворотили добрых коней
И поехали ко городу ко Киеву.
Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых:
Надо Алеше покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молодой Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,

Сам ложился спать, спящий держать,
Прошла та ночь осенняя;
Ото сна Алеша пробуждается,
Встает рано-ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Белую ширинкою утирается,
На восток он, Алеша, богу молится,
Молодой Еким, сын Иванович,
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку;
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши, он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожий:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга *) подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу
чебурацкого, **)

Говорил таково слово:

„Гой вы еси, удалы добры молодцы!

Видел я Тугарина Змеевича:

В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,

*) Шелепуга — палка.

**) Чебурацкий свинец от слова „чебурак“ — тяже-
лая, бурлацкой дямке.

Промежу плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлища *) пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит".
Привязался Алеша Попович млад:
„А и ты, братец калика перехожая!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой,
В тридцать пуд шеленугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу
чебурацкого.“

Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываячи, а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается,
И взял шеленугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище **) булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом;
Подрогнула дубравушка зеленая.

*) Хайлище — пасть.

**) Чингалище — кинжальце.

Алеша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
„Гой еси калика перехожая,
А где ты слыхал и где ты видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил“.
Говорит тут Алеша каликою:
„Ай ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь“.
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад,
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю;
Скочил ему Алеша на черную грудь.
В та поры взмолился Тугарин Змеевич млад:
„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Только ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой“.
В та поры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное
На сто тысячей — и все платье на себя
надевал,
Садился на его добра коня,
И поехал к своим белым шатрам.

И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
А и будут они в городе Киеве
На княженицком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни *);
Молятся спасову образу
И быют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апракесвне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут,
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати“.
Говорит тут Алеша Попович млад:
„Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого пона соборного“.
В та поры Владимир князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
„Гой еси, Алеша Попович млад!
По отчеству садися в большое место,
в передний уголок,
В другое место в богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь“.
Не садился Алеша в место большое
И не садился в дубову скамью,

*) Гридня — комната, покой.

Сел он со своими товарищи на палатной
брус.

Мало время позаменкавши,
Несут Тугарина Змеевича,
На той доске красно золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большое,
И подле него сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские,
Стали тут пить-есть, прохлаждатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра;
И говорил в та поры Алеша Попович млад:
„Гой еси ты, ласковый сударь Владимир-
князь!

Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесаной?
Печестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует во уста
сахарные,

Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшка
Была собачища старая,
Насилу по подстолю таскалася,

Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресные,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет".
Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича;
Алеша на то-то верток был,
Не мог Тугарин попасть в него;
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:

„Сам ли ты бросаешь в него, али мне
велишь?“

— „Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове".
В та поры князи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублей;
Бояре по пятидесят, крестьяне по пяти
рублев,

Тут же случилися гости купеческие:
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,

Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка
черниговский.

В та поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях под
небесью летать.

Скочила княгиня Апраксевна на резвы
ноги,

Стала пенять Алеше Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому“.

В та поры того Алеша не слушался,
Взвился с товарищи и вон пошел,
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.

Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
„Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя“.

Алешины молитвы доходны ко христу:
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажные;
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.

Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,

Что видел Тугарина на сырой земле,
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:

„Гой еси, Алеша Попович млад:
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алешу, копьем заколю?“
Говорил ему Алеша Попович млад:
„Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича“.

Оглянется Тугарин назад себя,
В та поры Алеша подскочил, ему голову
срубил;
И пала голова на сыру землю, как пивной
котел.

Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина
Змеевича,

И привязал к добру коню,
И привез в Киев град на княженецкой двор,
Бросил среди двора княженецкого.
И увидел Алешу Владимир-князь,

Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
„Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал;
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
До-люби тебя пожалую“.
В та поры Алеша Попович млад князя не
ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным“.
Отвечает Алеша Попович млад:
„А ты гой еси, матушка княгиня
Апраксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то, волочайкою“.
То старина, то и деяние.

Женитьба князя Владимира

О гой еси ты наш батюшка,
 Река быстрая, ты широкий Днепр,
 Ты быстро катишь струи чистые
 Во утесистых берегах своих,
 Во порогах ты будто гром гремишь,
 Будто гром гремишь со раскатами,
 На хребте своем струги легки мчишь,
 Струги мелкие Осударевы,
 Что со тем воям со могучием,
 Земли русские со защитникам;
 Они ездят в них потешаются,
 Всем забавушкам забавляются.
 А один их тех стругов княжеских,
 Он червленен корабль называется,
 Он плывет плавно, будто селезень,
 Гоголь ярый будто поныривает,
 На корме его тут посиживал
 Добрый молодец Ян Кожевников,
 А названный брат его на носу стоял,
 Молодой его брат Добрынюшка,
 На беседе сидят вокруг молодцы,
 А подернуты скамьи бархатом,
 Рытым бархатом, все хрущатыем,
 Среди их стоит беседушка
 Из заморской дорогой кости,
 Дорогой кости — зума рыбьего,

А на ней сидит добрый молодец,
Добрый молодец, воевода их,
Воевода их Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Он на всех Илья посматривает
И таки слова выговаривает:
А вы гой еси добры молодцы,
Сильны русские славны витязи,
Чем Владимиру нам служить будет
За его к нам милость княжню,
За его к нам любовь крепкую,
Мы послужим ему все грудью белою,
Грудью белою богатырскою,
Всех врагов его покорим ему,
Земли ихние во полон *) возьмем,
И еще надо послужить ему,
Службой верною, молодецкою,
Съездить в дальнюю золоту орду,
К славно ихнему повелителю,
Полонить его любиму дочь,
Афросиньюшку Королевишну,
Душу младую Амфрафеевну,
Из-за той его стражи крепкие,
Из-за тех замков, да булатных,
И привести ее нам во Киев град
Ко великому князю нашему,
Красну солнышку ко Владимиру,
Уж не все ему да вдовцом ходить,

*) Полон — плен, пленники.

Уж пора ему ожениться.
Вся дружина тут взволновалася
От его ли речи от сладкие,
И сказали все во един голос:
Что прикажет нам иль придумает
Илья Муромец, то исполним тут.

3

Федюшка Бас и польские ратники

То не гром грохочет по долинушке,
Скачет конница удалая.
Впереди ее лихой Федюшка Бас.
Топчет конь копытами серебряными
Панов гордых, шляхтичей пронырливых;
Рубит их с плеча удалый молодец
Шашкою вострою, девяти пуд.
И возгворит таки слова Федюнька Бас:
„Гой вы, ляхи, еси гордые!
Становитесь супротив меня сторонкою

Целой ратью вашею, нечистою!“
И сошлись ратники тут польские
Пешим строем во сто человек
У Святого озера глубокова,
На зеленом полюшке, у дубравушки...
Как махнет Федюшка палицей булатной той,
Разъярился силой молодецкою,
И упали в озеро глубокое
Сразу десять ратников лихих.

С К А З К И

4

Лисица, заяц и петух

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избёнка ледяная, а у зайчика лубяная: пришла весна-красна — у лисы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросила у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: „Тяф, тяф, тяф! про што, зайчик, плачешь?“ А зайчик говорит: „Отстаньте, собаки, как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная: попросилась она ко мне, да меня и выгнала“. — „Не плачь, зайчик! — говорят собаки: — мы ее выгоним“. — „Нет, не выгоните!“ — „Нет,

выгоним!" Подошли к избёнке: „Тяф, тяф, тяф! поди, лиса, вон!" А она им с печи: „Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!" Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: „О чем, зайчик, плачешь?" А зайчик говорит: „Отстань, медведь! как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала". — „Не плачь, зайчик! — говорит медведь, — я выгоню ее". — „Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь..." — „Нет, выгоню!" Пошли гнать: „Поди, лиса, вон!" А она с печи: „Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!" Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: „Про што, зайчик, плачешь?" — „Отстань, бык, как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала". — „Пойдем, я ее выгоню". — „Нет, бык, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь". — „Нет, выгоню!" Подошли к избёнке: „Поди, лиса, вон!" А она с печи: „Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!" Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему на-

встречу петух с косой: „Ку-ку-ре-ку! о чем, зайчик, плачешь?“—„Отстань, петух! как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала“.—„Пойдем, я выгоню“.—„Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь“.—„Нет, выгоню!“ Подошли к избёнке: „Ку-ку-ре-ку! несу косу на плечи, хочу лису посечи! поди, лиса, вон!“ А она услышала, испугалась, говорит: „Одеваюсь...“ Петух опять: „Ку-ку-ре-ку! несу косу на плечи, хочу лису посечи! поди, лиса, вон!“ А она говорит: „Шубу надеваю“. Петух в третий раз: „Ку-ку-ре-ку! несу косу на плечи, хочу лису посечи! поди, лиса, вон!“ Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить, да поживать. Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

Об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове

А. Ершишко-кропачишко *), ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки **) со своим маленьким ребятишкам ***); пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро, — и в этом озере выпросился остаться одну ночку, от одной ночки — две ночки, от двух ночек — две недели, от двух недель — два месяца, от двух месяцев — два года, от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под до-балю ****) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом. „Будь ты, — говорят, — нашим судьей“. Сом послал за ершом, добрым человеком, и говорит: „Ерш, добрый человек, почему ты нашим озером завладел?“ — „Потому, — говорит, — я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело с низу до верху, с Петрова дня и до Ильина дня, вы-

*) Кропотливый, беспокойный.

**) Санки.

***) Творительный падеж множественного числа.

****) Под жабры.

горело оно с низу и доверху и запустело". — „Не вовек, — говорит рыба-сом, — наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?" — „Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорога-рыба *) на пожаре была, глаза запылила — и поныне у нее красны". И посылает сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей **), туды же понятых, зовут сорогу-рыбу: „Сорога-рыба, зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество" ***). Сорога-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом: „Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?" — „Не вовек-то, — говорит сорога-рыба, — не гарывало наше озеро." Говорит сом-рыба: „Слышь, ерш, добрый человек, сорога-рыба в глазах обвинила". А сорога тут же примолвила: „Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!" Ерш не унывает, на бога уповает. „Есть же у меня, — говорит, — в том свидетели и московские крепости, письменные

*) Плотица.

**) Моль — мелкая рыба разного рода, снитки несущенные.

***) В рукописи прибавлено: „пред ершово высочество".

граматы: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил — и по нынче у него крылья красны“. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: „Окунь-рыба, зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество“. И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба: „Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?“ — „Не вовек-то, — говорит, — наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!“ Ерш же унывает, на бога уповаet; говорит сом-рыбе: „Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные граматы: щука-рыба, вдова честная, при том не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила — и понынче черна“. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: „Щука-рыба, зовет рыба-сом с большим усом пред свое величество“. Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. „Здравствуй, ваше величество!“ — „Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, при том же ты и не мотыга! — говорит сом. — Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?“ Щука-рыба отвечает: „Не вовек-то не гарывало наше озеро Ро-

стовское. Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!“ Ерш не унывает, а на бога уповает. „Есть же,—говорит,—у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил — и понынче он черен“. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят к налим-рыбе и говорят: „Налим-рыба, зовет тебя рыбасом с большим усом пред свое величество“. — „Ах, братцы, нате вам гривну на труды и на волокиту: у меня губы толсты, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьям не стаивал, говорить не умею, кланяться право не могу“. Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю. По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил: пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр. „Куда вас чорт понес?“ — говорит им ерш. Услыхали рыбаки ершов голос тонкой и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетунку. „Наварю,—говорит,—ухи, да и скушаю“. Тут и смерть ершова!

Б. 1729 года, месяца сентября, 16 числа.
Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый *) хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая **) брюшина,
Лихая образина,
На роже кожа, как еловая кора.
Прижилось, прискудалось ершишку-
плутишку

В своем славном Кубинском озере,
Собрался на ветхих ***) дровнишках
С женою и детишкам,
Поехал в Белозерское озеро,
С Белозерского в Корбозерское,
С Корбозерского в Ростовское:
„Здравствуйте, лещи,
Ростовские жильцы!
Пустите ерша пообедать,
И коня покормить“.
Лещи распространились, ****)
Ерша к ночи пустили.
Ерш, где ночь ночевал,
Тут и год годовал;
Где две ночевал,

*) Увертливый, плутоватый.

**) Киловатый — бранное слово.

***) В рукописи: „на вельмей“.

****) Расступились, дали место.

Тут два года годовал;
Сыновей по женил,
А дочерей замуж повывдал.
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеба-соли не едали;
Три года лещи
Хорошей воды не пивали;
Три года лещи
Белого света не видали;
С того лещи
С голоду помирали.
Сбиралися лещи в земскую избу,
И думали думу заедино
И написали просьбу,
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
„Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов!
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года, мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,

Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая пере(я)славска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька*) послать —
У него губы толстые,
А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с ершом не сумеет.
Придумала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом гарьюса **):
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо беленько,
Речь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня рассыльным,
Карася пятисотским,

*) Налима.

**) Хариус — род лососей.

Семь молей, понятых людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ерш перед судом стоит
И не с упадкой говорит:
— „Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повешали?“
— Ах, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?
— „Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше славное Кубинское
озеро,

Там и была у ершишка избишка,
В избишке были сенишки,
В сенишках клетишко,
В клетишке ларцышко,
У ларцышко замчишко,
У замчишка ключишко:
Там-то были книги, отписи
И паспорта — и все пригорело.
Да не то одно пригорело!
Был у батюшка дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры —
И то все пригорело!“
А рыба семга позади стояла
И на ерша злым голосом кричала:
„Ах, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял
И сорок человек разбою держал,
И много голов погубил.
И много живота *) притопил!“
И ершу стало азартно;
Как с рыбою семгою не отговориться?
— „Ах, ты, рыба семга, боки твои сальны!
И ты, рыба сельдь, бока твои кислы!

*) Имущества.

Вас едят господа да бояра!
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы штей наварят
И блинов напекут,
Шти хлебают,* похваляют:
Рыба костлива, да уха хороша!“
Тут ерш с семгой отговорился.
Говорит Белозер-Палтос-рыба:
— „Окунь рассыльный,
Карась пятисотский,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите ерша“.
А ерш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, ершишко-плутишко,
На свои на ветхие *) дровнишки
С женою и детишкам
И поезжает в свое славное
В Кубинское озеро.
Рыба семга хоть на ерша злым голосом
кричала,
Только за ершом вслед подавалась:
„Ах, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня в свое славное
В Кубинское озеро —
Кубинского озера поглядеть
И Кубинских станов посмотреть“.

*) В рукописи: „вельмше“.

Ерш зла и лиха не помнит,
Рыбу семгу за собой поводит.
Рыба семга, идучи, устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
„Слава тебе, господи!
Вчера рыба семга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала“.
Ерш семге подивовал
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду *) попал,
Пришел Никон,
Заколил прикол **);
Пришел Перша,
Поставил вершу;
Пришел Богдан,
И ерша бог дал;
Пришел Вавила,
Поднял ерша на вила;
Пришел Пимен,
Ерша запинил ***);
Пришел Обросим,
Ерша оземь бросил;

*) Морда—рыболовная снасть, состоящая из мешка, сплетенного из ивовых прутьев.

**) Т. е. сделал закол(ез).

***) Т. е. запинал (пинать, пнуть).

Пришел Антон,
Завертел ерша в балахон;
Пришел Амос,
Ерша в клеть понес;
Идет Спира,
Около ерша стырит*);
Амос Спиру
Да по рылу:
„Ах, ты, Спира!
Над эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Век в дому не бывала!“
Пришел Вася,
Ерша в клетки слясил**);
Пришел Петруша,
Ерша разрушил***);
Пришел Сава,
Вынял с ерша полтора пуда сала;
Пришел Июда,
Расклат ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришел Антипа,

*) Стырить — дразнить, грубо говорить.

**) Стащил (лясить — лстить, хитрить); слямзить
и слящить — украсть.

***) Т. е. разрезал, порушил.

Ерша стипал *)
Пришел Алупа,
Ерша слупал;
Пришел Елизар,
Блюда облизал;
Пришел Влас,
Попучил глаз;
Пришла Нинила,
И блюда обмыла.

С. Жил Ершишка
В новом городишке.
Прижил Ершишка
Одну дочеришку.
Выдал дочеришку
За боярского сынишку.
Боярский сынишка —
Вор и плутишка.
Я не вор, не плутишка,
А добрый человек.
Всяк меня знает,
Всяк почитает.
Был я в Рассеи —
Всяк меня бил по шее.
Пришел я в мир —
Всяк меня бил.
Сёд Иваныч

*) Украл.

Вел меня по ельничку,
По березничку,
В воду и бух.
Сёд, сёд,
Куда пёс несет?
Я не сам зашел,
Меня ерш завел.
Дядя Филип
На сивой лошаденке
Палит
И хвост в зубах.
Пришел Гордей,
Нарубил жердей.
Пришел Перша,
Начал плести верши.
Пришел дядя Устин,
Ерша в воду запустил.
Пришел Богдан,
Ершишка бог дал.
Пришел Еремей,
Посадил ерша на ремень.
Понесли ерша на базар.
Пришел Синяков,
Посулил семь пятаков.
Пришел Ванюха,
Синякову-то в ухо.
Я не сам навонял,
Ваш ерш провонял.
Труда было много,
За ерша дают мало.

Пришла баушка Варвара
И ерша в горшок поклала.
Пришла Дуня,
Огонек вздула.
Пришла баушка Акулина,
Печку закурила.
Пришел Самсон,
Заслонил заслон.
Пришел Петруха,
Да и тот понюхал.
Пришел Евдоким
И с блюдом проглотил.

6

Рыбак и его сыновья

Рыбак рыбачил тридцать три года, стал стареть, а все жил в большой нужде со своей бабой. Рыбы в реке стало меньше, и часто ничего не попадалось ему в сети. Раз пошел он ловить рыбу наметкой, измаялся, а напоследок вытащил, однако, карася и стал над ним тужить. А карась и говорит ему человеческим голосом: „Не тужи — я не простой ка-

рась, я тебя озолочу; очисти меня, шелуху сложи в ящик и отнеси ее на подволоку*), кишки зарой в подполье, печенью и сердцем накорми свою старуху, голову отдай твоей собаке, хвост твоей кобыле, а меня съешь сам. Сделаешь по-моему, будет тебе хорошо“.

Пришел рыбак домой в свою избушку, очистил карася и как тот велел — шелуху сложил в ящик и поставил на чердаке, кишки зарыл в землю в подполье, печонку и сердце скормил своей старухе, голову — собаке, хвост — лошади, а остальное съел сам.

Через небольшое время старуха почувствовала, что она забеременела; глядит рыбак, что и кобыла и сука тоже затяжелели. Диву дался рыбак.

Скоро старуха родила двух мальчиков, одного назвали Иваном, другого Василием. В это время кобыла принесла двух жеребят, а сука двух щенят.

Растут ребята не по дням, а по часам. К семи годам стали настоящие молодцы, всем на диво. Решили они поискать себе счастье по белу свету и сказали отцу, чтобы срядил их на дорогу. Заплакали старик со старухой, пеняли им, что растили их не для того, чтобы они оставили их в старости. Но делать было нечего. Велели сыновья зака-

*) Подволока — чердак.

зять в кузнице каждому по батожку четырехста пудов каждый. Насилу нашли столько железа. Сковал кузнец батоги, но никто не может отвезти их к рыбаку. Ребята только спросили: „Заплачены ли деньги?“ Деньги были отданы, и молодцы пошли в кузницу и шутя взяли каждый свой батог.

Вернулись домой и стали торопить отца сряжать их в дорогу. Каждому дал он по жеребцу и по собаке, потом пошел на чердак, глядит, а в ящике вместо рыбьей шелухи полно золота, глянул и в подполье, а там две уздечки с золотым набором. Надели на коней по уздечке и подвели их к крыльцу. Сели на них молодцы, взяли в руки свои батожки, в карманы насыпали золота и, простившись со стариками, вместе пустились в путь-дорогу, а за ними побежали их верные псы.

Долго ли ехали, коротко ли, приехали к столбу, а от него две дороги: одна направо, другая налево. На столбе написано: „Кто пойдет направо — жив не будет, кто пойдет налево — тот закаменеет“.

Братья расстались. Иван поехал направо, Василий налево. Немного проехал Василий, как перед ним оказалась каменная стена, он к ней, она расступилась, и он скрылся из глаз. А Иван долго ехал по пустой дороге, наконец, приехал в город и прямо к

царю. Взошел в кухню, попросил, чтобы ему поставили самовар и накормили его самого, коня и собаку. Там сначала было его не очень ласково приняли, а когда он показал пригоршни золота, то всего ему дали вволю, коню насыпали белояровой пшеницы. За угощением Ивану рассказали, что у них в царстве великое горе: каждый день из моря выходит змей и пожирает по девушке; сегодня очередь за младшей царевной. Иван сказал: „Я отдохну после чаю, а вы меня разбудите, когда поведут царевну, может, я помогу что-нибудь“. Сказали об этом царю, но не очень этому кто поверил, чтобы приезжий мог справиться с чудовищем. Царевну отправили на морской берег и посадили на каменный столб, куда сажали и раньше всех девушек. Потом вспомнили про Ивана и велели его разбудить. Тот — стрелой на своего коня и помчался на берег моря. Подъезжает, а из моря выходит на берег змей о шести головах. Иван с одного маху отрубил своим железным батоном все шесть голов, отвалил большущий камень на берегу и положил под него все шесть голов. Снял царевну с каменного столба и пустил ее домой, а ей велел молчать, что он ее спас от змея.

Воротился потом и Иван; крепко поужинал на кухне и утром долго спал. Слышит во дворе опять несладно: говорят, что появился новый

змей о двенадцати головах и требует на съедение всех трех царевен. Когда царевен повели, Иван на своем коне и с верным псом явился на берег моря. Царевны ни живы, ни мертвы сидят на каменном столбе и ждут своей верной смерти. К ним из моря высунулся змей о двенадцати головах и собирался их схватить. Иван бросился на него, но сразу мог отрубить только шесть голов. Змей остальными головами набросился на него и стал его мять. Выручил тогда его верный пес, он вцепился змею в хвост и начал таскать его из стороны в сторону. Змей закричал и оборотился назад. Иван изловчился и отрубил ему остальные головы. Собрал их, отворотил опять тот же большой камень и покидал под него все двенадцать голов. Поставил камень на место и свел царевен с каменного столба, опять не велел говорить, кто их спас от верной смерти, но объявил, что хочет жениться на одной из них. Те были рады и согласны и просили, чтобы он выбрал, которая ему любя. Иван сказал, что женится на младшей царевне, получил от нее кольцо и цветной платок; последний разорвали они пополам, и каждый взял по половине себе. После этого Иван, не заезжая к царю, отправился навестить своего брата Василия.

А тем временем царевны шли домой. Идут они мимо кузницы, там работают три брата.

Зовут их к себе зайти на радостях, что спаслись, и попить с ними чаю. Те согласились. Два брата угощают царевен, а третий с черным носом точит нож. Царевнам стало страшно, и они спрашивают, зачем он не пьет с ними чаю, а все точит нож. Кузнец говорит, что если они не скажут, кто спас от змея их, то он их зарежет, и кроме того потребовал, чтобы младшая царевна вышла за него замуж.

Нечего было делать, и царевны на все согласились. Тогда он пустил царевен, а те стали рассказывать, что спас их кузнец. Царь решил отдать младшую дочь за него замуж; устроили сговоры и повезли молодых к венцу.

А Иван тою порою переехал через каменную стену, которая расступилась перед ним, и попал в арабское царство. Скоро отыскал брата Василия, тот, оказалось, собирается жениться на дочери арабского короля. Иван отпировал его свадьбу и вместе со всеми гостями поехал к царю, куда позвал всех на свою свадьбу. Поехали и взяли с собой знающих каменщиков, чтобы те провели их через каменную стену. Подъехали к ней, а она назад никого не пропускает. Но каменщики знали свое дело: ударили раз, в стене проломили дыру, так что можно было про-

сунуть руку, второй раз — можно было пройти человеку, а ударили в третий раз — можно было проехать на тройке.

Приехали к царю во дворец, а там пусто, никого почти нет. На кухне сказали Ивану, что все в церкви на венчании младшей царевны с кузнецом, который спас царевен от змея. Иван велел своей собаке бежать сломя голову в церковь, схватить кузнеца за черный нос и вытащить его оттуда вон. Собака ворвалась в церковь, вцепилась кузнецу в нос и потащила его к дверям. В суматохе все вышли за ними, а уж тут стоит Иван. У него в руках кольцо царевны и часть ее цветного платка. Стал он укорять царевну, что она ему изменила. Та созналась, что ее напугал и приневолил кузнец, а спас ее Иван, и ему она отдала кольцо и платок. Но кузнец был не робкого десятка, он стал уверять, что змея убил он. Тогда Иван спрашивает его: „Куда же ты змея дел?“ — „В море утопил“, — отвечал кузнец. Иван повел всех к морю, отшвырнул камень и показал всем, где лежат головы змея. Царь видит, что кузнец обманул его, велел тут же заложить его в каменный столб, а Ивану приказал стать под венец с царевной.

Отпировали знатно свадьбу, погостили у царя и затем оба брата с женами поехали

домой к рыбаку. Выстроили они недалеко от него по даче и зажили там со своими женами-царевнами.

7

Три брата

У колдуна было три сына, два старших умные, а третий — дурак. Умирая, наказывал сыновьям, чтобы сами они его не хоронили, а наняли чужих людей, положили бы его в гроб с тремя железными обручами и похоронили в межевой яме на перекрестке; первые трое суток не засыпали бы гроб землей и по ночам стерегли по очереди.

Колдун заболел внезапно и не успел никому передать своего дела, потому нечистая сила мучила его страшно: бросала из стороны в сторону, протаскивала его почти через пол, насилу вытащили. Долго он маялся, а все-таки настал конец — помер. Положили

его в гроб и стали искать людей, чтобы отвезли его в указанное место хоронить. Никто в деревне не брался: все боялись. Проходит день, другой, третий, а колдун все лежит в гробу в избе. Ночью в третий день постучался в избу солдат. Он шел домой в отпуск, измучился, проголодался, видит в окошке свет и завернул к этой избе. Домашние пустили его с радостью, накормили, винцом угостили. Солдат ожил: куда и усталость девалась. Сыновья и говорят ему, чтобы он отвез покойника, обещали и денег ему за это дать. Солдат согласился и повез ночью. Поставил гроб на навозную телегу. Дали солдату топор, рассказали дорогу, и он отправился с гробом. Не успел он доехать до межовой ямы — всего пустое дело, слетело колесо; стал он вырубать чеку; хочет ее вставить, сразу слетели и остальные три колеса. Вдруг лопнули железные обручи, поднялась гробовая крышка, колдун приподнялся и закричал солдату, что его съест. Солдат бросился бежать и залез на самую высокую елку, сидел он на ней и ждал, что колдун будет лезть к нему. Смотрит, а идет какой-то старичок и говорит ему: „Не бойся, слезай, если у тебя есть топор, выруби три дубовых кола и бей ими колдуна по зубам, пока не изобьешь их до ручки, колдун тебе ничего не сделает“. Солдат послушался, вы-

рубил три здоровых кола в дубняке и давай бить колдуна по зубам. Как только ударил первый раз, посыпался страшный огонь, все это вылетала нечистая сила. Как избил солдат первый кол, стал бить вторым, огонь из зубов стал поменьше, как бил третьим колом, вылетали маленькие искорки, потом и совсем перестали. Гроб в то же время закрылся сам собой, обручи наделись, колеса стали на места, и солдат довез колдуна до ямы. Стащил в яму гроб и во всю прыть погнал лошадь в деревню. Приехал к сыновьям и ругался нехорошими словами, что заставили его хоронить колдуна, не объяснив ему этого.

Теперь надо было сыновьям стеречь гроб. По жребию досталась первая ночь старшему, вторая — среднему, а третья — дураку. Старший брат, зная, что дурак любит яркое, подарил ему красную шапку и кушак, стал просить его, чтобы он сторожил отцовский гроб за него. Дурак согласился, взял дубину и пошел. Придя к яме, ахнул по гробу его, а колдун оттуда: „Иван, это ты?“ — „Я, батюшка“. И спокойно просторожил ночь. Средний брат купил дураку красный кафтан и шарф и тоже нанял его сторожить за себя. Пришел дурак на вторую ночь и опять грохнул дубиной по гробу. Колдун спросил: „Это ты, Иван?“ И стал его бранить, зачем пришел на вторую ночь, а про третью ска-

зал, чтобы совсем не ходил, а то съест его. Пришел дурак домой и стал просить братьев, чтобы кто-нибудь из них пошел сторожить гроб за него. Те только посмеялись, и дураку волей-неволей пришлось отправиться самому в третью ночь. Ударил и на этот раз по гробу дубиной, колдун зарычал на него: „Ведь я не велел тебе ходить, теперь я тебя съем“. Залился Иван слезами и ждет, что колдун его съест, а тот смиловался, простил его за его простоту и отказал ему в зеленых лугах: сивку-бурку, вещь каурку, оленя-золотые рога и свинку-золотую щетинку. Пришел дурак домой и ничего не сказал братьям про это.

Вскоре в ихнем царстве было объявлено, что царь отдаст свою дочь за того, кто ее добудет. А она в терему за тремя хрустальными дверями, а к дверям шел хрустальный мост. Кто по этому мосту проедет и пробьет три двери, тот получит от царевны золотую печать на лоб, кольцо на руку и будет ее мужем.

Назначили день, когда женихи царевны должны были проявлять свою удаль. Пошли глядеть на это старшие братья, а дурака оставили дома. Он и говорит матери: „Дай мне, матушка, кошель, я схожу за грибами“. Дала мать кошель, он отправился в лес и набрал поганок, мухоморов и разной дряни,

так что и не закрыть кошель. Повесил его на куст, а сам пошел в зеленые луга, свистнул бурку вещего каурку, в правое ухо влез, в левое вылез и стал фартовым молодцом. Поехал к царю, обогнал по дороге братьев, дал им по спине нагайкой и поскакал дальше. Подъехал к хрустальному мостику, прокатил его словно по простому деревянному и прошиб две хрустальные двери. Другие женихи пробовали сделать то же, никто не мог проскакать мостом. По дороге домой Иван снова обогнал братьев и дал им еще раз нагайкой. Приехал в зеленые луга, влез к сивке-бурке в левое ухо, в правое вылез и стал снова дураком. Взял свою торбу с поганками и воротился домой. Мать, как поглядела в торбу, заругала дурака, выбросила грибы, вымыла торбу и повесила ее сушить. Дурак залез на печь и лежит. Возвращаются братья и рассказывают, что было, хвалят фартового молодца, который один проскакал по хрустальному мосту, прошиб две хрустальные двери, ругнули его за то, что два раза огрел их нагайкой. А дурак с печи: „Братья, не я ли это?“ — „Молчи, дурак, — огрызаются они на него, — а то с печи выкинем“.

На другой день старшие братья уходят опять туда же смотреть, что будет. А дурак просит у матери кузов, та выругала его и

не дала; сжалилась над ним сноха и дала ему кузов. То же самое проделал дурак в лесу, набрал еще худшей дряни, отправился в зеленые луга к своему сивке-бурке, обратился снова в фатоватого молодца и поскакал к царскому дворцу. Прошиб последнюю дверь и получил от царевны золотую печать на лоб и перстень на руку. По дороге обогнав братьев, ожег их нагайкой по спине и скрылся. Приехал в зеленые луга и обратился опять в дурака. Снял с руки перстень, завернул его в штаны и завязал ими лоб. Пришел в таком виде с грибами и отдал их матери. Та опять заругала, выбросила поганки, а дурак залез на печь и ждет братьев. Приезжают братья, рассказывают, что видели, ругнули фатового молодца, что ударил их нагайкой, а Иван им и говорит: „Не я ли, братья?“ — „Молчи, дурак, — отвечают ему, — а то с печи выкинем“.

На третий день была объявлена свадьба, велено было со всего царства притти на свадьбу, чтобы дома никого не оставалось — ни мала, ни велика. Все пошли, а дурака оставили одного дома. Собрались все на свадьбу, только жениха не оказалось. Стали допытывать: не остался ли у кого кто дома. Сказали царю, что в одной только избе остался один, да и тот дурак. Царь послал за ним тройку, приехали царские слуги и

забрали Ивана с печи, как был с портками на голове. Привезли во дворец, развязали их, смотрят — золотая печать на лбу и кольцо у него. Значит, он и есть настоящий жених. Обмыли его, нарядили, повели к царевне. Той делать нечего: „Значит, доля моя такая“, — сказала она и пошла венчаться. За свадебным столом Иван сидел дурак-дураком, одних платков царевна измарала три штуки, утиравши ему нос.

Живут молодые неделю-две, а Иван не делается умнее, все такой же дурак. Умные братья его живут при царе и ведут умные речи, а от молодого нельзя добиться ничего складного. Раз царь и говорит, что есть в его царстве сивка-бурка вещая каурка, а достать ее и привести к царскому двору никто не может. Взялись умные братья. Царь дал им тройку лошадей, и они поехали в зеленые луга. Дурак тоже просит себе лошадь. Царь дал ему плохонькую лошадаенку, и Иван тоже уехал. Явился в зеленые луга раньше своих братьев, позвал сивку-бурку вещую каурку, оборотился фартовым молодцем, поставил шатер и стал поджидать братьев. Явились те, не узнали Ивана и просят его продать сивку-бурку. Иван согласился и запросил с них дешево: по большому пальцу с правой руки. Братья согласились; он отрубил у каждого по большому пальцу, за-

вернул их в тряпочку и положил в карман. Братья получили сивку-бурку, повели к царю, а Иван снова оборотился дураком, погнав свою лошадь во весь дух и так ее замаял, что, когда приехал во дворец, она с ног свалилась. Поставили сивку-бурку на царской конюшне, а братья получили от царя награду.

Видя, что они ловкие ребята, царь говорит им потом, чтобы они достали из тех же зеленых лугов оленя-золотые рога. Опять дал им тройку лошадей, а Ивану после долгих упрашиваний дал ту же плохую лошадаенку. Приезжают братья в луга, опять видят шатер, а в шатре того же фартового молодца. Спрашивают его об олене-золотые рога, и он продал его им также дешево — за большой палец с правой ноги у каждого. Иван отрубил им по пальцу, завернул их тоже в тряпочку и положил в карман. Поехали братья к царю с оленем-золотые рога; поскакал на своей кляче Иван и загнал ее до смерти — у самого царского дворца она сдохла. Царь заругал его за это, посмеялся потом над ним, а братьев наградил.

Оставалась в зеленых лугах одна свинка-золотая щетинка. Царь велел привести к себе и ее. Братья взялись; снова получили от царя тройку лошадей, а Ивану царь не дал никакой, потому что он без толку ездит,

да и лошадь у него загнал. Вступилась царевна, и Иван получил себе неважную лошаденку. Приезжают братья в зеленые луга, видят в шатре фартового молодца, торгуют у него свинку-золотую щетинку. Молодец продает, но требует на этот раз выдрать у каждого из них по ремню в три пальца изо всей спины. Поежились братья, да делать было нечего. Исполосовал Иван им спины, вырезал по ремню в три пальца, завернул в тряпочку и отдал им свинку-золотую щетинку. Вернулись в царский дворец братья с добычей, а Иван с пустом. В третий раз наградил царь умных братьев, а над Иваном посмеялись в третий же раз.

Случилась после этого война, напал на царя сосед с большим войском. Выехали на войну все. Пошел и царь со всем двором. Враги начали теснить царское войско, вдруг откуда ни возмись храбрец и начал косить направо и налево. Никому и невдомек, что это был дурак. Он влез сивке-бурке вещей каурке в одно ухо, в другое вылез, взял меч-секунец и начал разить врагов. Дрогнули неприятели и побежали. Храбрец получил рану в ногу, сама царевна перевязала ему ногу платком, поехали во дворец, где царь хотел наградить храбреца, хватъ, он куда-то пропал, и никто не знал, куда он девался.

А Иван снова обратился дураком и как будто ничего не знает. Но вот ночью, когда легли спать, царевна заметила у него на ноге свой платок и догадалась, что этот храбрец Иван, и стала его просить, чтобы он перестал казаться дураком и стал фартовым молодцом, каким он был на бою.

Иван видит, что скрываться долее нельзя, да и незачем, наутро говорит царю: „Что это братья и едят и пьют все в перчатках?“ А те, чтобы царь не догадался, как они добыли сивку-бурку, стали надевать на руки перчатки, а вместо большого пальца в перчатку натыкали охлопков. Снимают они по приказу царя перчатки, у них больших пальцев нет. Иван говорит, их надо сводить в баню, там их осмотрят: еще чего-нибудь не окажется у них. Повели их туда, осмотрели и докладывают царю, что нет больших пальцев на ногах и из спины вырезано кожи по ремню в три пальца. Тогда Иван вынимает из кармана тряпочку, а в ней братние пальцы с рук и ног, а также по ремню со спины. Тут Иван объяснил царю, как братья достали в зеленых лугах сивку-бурку, оленя-золотые рога и свинку-золотую щетинку. А сам пошел к сивке-бурке, в одно ухо влез, в другое вылез и стал добрым молодцом. Пришел во дворец, царевна так и засияла от радости, царь узнал в нем того

храбреца, который прогнал врагов, и зажил с Иваном, как отец с сыном, а братьев прогнали.

8

Два брата

Жили два брата — один бедный, другой богатый. Богатый выстроил новый дом и на новоселье назвал гостей все богатеев же да купцов, а своего брата не позвал. Бедный думает, что хотя и не звали его, но все же богатый ему брат и неловко не поздравить его с новосельем. Велел бабе испечь пирог и пошел к брату с хлебом и солью. Тот, увидя его у себя в доме, рассердился и послал его к чорту. Заплакал бедный брат и вышел из дому. Начала его баба ругать, что пошел незванный, надо было сидеть дома. Идут они, а навстречу им старичок, и говорит бедному: „Пойдем, я сведу тебя на дру-гое новоселье“. Утянулась с ними и баба.

Повел он их к реке, к глубокому бочагу и велит ему, не крестясь, броситься туда с хлебом и солью. „Там будут тебя угощать,— говорит он ему,— всякими явствами и питьями, не ешь, не пей, все бросай через правое плечо, ночью не спи, не бери ни золота, ни серебра, а проси серенькую овечку, а овечка эта проклятый мальчик“. Сделал бедный брат, как велел ему старичок: бросился в воду, не крестясь, и очутился на пиру; не ел, не пил, все бросал через правое плечо. После пира положили его спать, он не спит, а все думает, что дальше будет. По утру стали его одарять за хлеб, за соль золотом, серебром, он не берет, а просит серенькую овечку, что лежит у них в углу на соломе. Там долго не давали ее, а в конце концов отдали. Взял ее бедный брат и словно по мосту вышел на берег. Глядит, а там стоит тот же старичок и держит под уздцы жеребенка статного, сытого, словно молоком мытого. Старичок и говорит бедному брату: „Отдай мне овечку, а я тебе дам жеребенка“. Согласился бедный брат на такую мену, отдал овечку, а сам взял жеребца. Привел его домой, а баба говорит: „Где мы этакое коня беречь-то будем? На дороге украдут“. Поставили в тепляк. Стали вводить туда лошадь, вошла она передними ногами, а дальше нейдет; баба стала подталкивать ее сзади,

потом хлопнула рукой по заду, а лошадь рассыпалась чистым золотом. Всю ночь таскали они золото и завалили им все сундуки.

Выстроил на эти деньги бедный брат хороший дом и устроил новоселье. Позвал на него бедняков, зимогоров, не забыл и богатого брата. Тот диву давался, откуда брат достал столько денег, что выстроил богатый дом и устроил такое новоселье, хотя бы и ему впору. Стал он допытываться у брата, тот не говорит, а баба-сноха не утерпела и проболталась. Решил богатый брат там тоже денег себе добыть. Испек пирог и пошел к тому же бочагу с хлебом-солью, перекрестился, бросился в бочаг, да там и утонул.

Баба-яга

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой и от этой прижил дочь. Вот жена и не взлюбила падчерицу; нет житья сироте. Ду-

мал-думал наш мужик и повез свою дочь в лес. Едет лесом — глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик: „Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом“. Избушка и поворотилась. Идет мужик в избушку, а в ней бага-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом другая. „Русским духом пахнет!“ — говорит яга. Мужик кланяется: „Баба-яга, костяная нога! Я тебе дочку привез в услуженье“. — „Ну, хорошо! служи, служи мне, — говорит яга девушке, — я тебя за это награжу“. Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мыши и говорят ей: „Девушка, девушка! Что ты плачешь? Дай кашки, мы тебе добренько скажем“. Она дала им кашки. „А вот, — говорят, — ты на всякое веретенцо по ниточке напряди“. Пришла баба-яга: „Ну что, — говорит, — все ли ты припасла?“ А у девушки все готово. „Ну, теперь поди вымой меня в бане“. Похвалила яга девушку и давала ей разной сряды *). Опять яга ушла и еще труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мыши: „Что ты, — говорят, — девушка красная, плачешь? Дай кашки, мы

*) Сряда — нарядное платье.

тебе добренько скажем". Она дала им кашки, а они опять научили ее, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь. Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; он и взял ее с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвется: „Хам-хам-хам! барыню везут, барыню везут!“ Мачеха выбежала да скалкой собачку: „Врешь,— говорит,— скажи: в коробе косточки гремят“. А собачка все свое. Приехали. Мачеха так и гонит мужа и ее дочь туда же отвезти. Отвез мужик.

Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвется с досады и плачет. Выбегают мыши: „Девница, девница! о чем ты,— говорят,— плачешь?“ А она не дала им говорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. На другой раз опять то же; яга изломала ее да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и привез одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крылечке: „Хам-хам-хам! в коробе косточки везут!“ Мачеха бежит со скалкой: „Врешь,— говорит,— скажи: барыню везут!“ А собачка все свое: „Хам-хам-хам! в ко-

робе косточки гремят!“ Приехал муж; тут-то жена взвыла. Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

10

Солдат

Шел солдат домой в побывку, к ночи попал в барскую усадьбу и просится ночевать. Его пустили, но сказывают, что ночевать негде, как в старом доме, а там неладно: завелась нечистая сила и всех пугает: стучит, гремит по ночам, швыряет. Солдат был не робкого десятка,—не только согласился лечь спать в этом доме, а обещал барину совсем выгнать бесов и дом очистить. Наполнили, накормили его; солдат потребовал себе, как итти в старый дом, орехов, три пули и чучело в виде человека. Все ему дали и отвели на ночевку.

Приходит полночь, зачался по дому грохот, является бес. Солдат говорит ему: „Да-

вай орехи грызть". Сам ест орехи, бесу сунул в лапу пули. Тот грыз, грыз и говорит ему: „Вон какой ты здоровый, давай сыграем в карты“. Стали играть в носки, много наиграл на него бес и требует, чтобы солдат поставил свой нос, он будет его щелкать. Солдат просит, чтобы дал ему отыграться. Опять играют, на этот раз солдат много наиграл на чорта и требует, что он будет давать ему щелчки. Подводит его к чучелу, а у того был молоток в руках, а снизу пружина, надавливает солдат ногою на пружину, чучело как принялось молотить по бесу, что тот не выдержал. Сбежал бес и увел с собой всех чертенят. На другую же ночь в старом доме все было спокойно. Наградил барин солдата золотом, насыпал ему целый карман и отпустил.

Идет солдат дорогой и видит — сидит на пне сова. Взял он эту птицу, благо она днем ничего не видит, — и пошел дальше. Пришел к вечеру в одну деревню и завернул к избе знакомого мужика, а мужик тот извозом занимался и часто отлучался из дому. Смотрит солдат в окно, — баба угощает своего приятеля: на столе самовар, водка и жареная баранина. Как услышали под окном шум в избе, баба сунула баранину в печь, водку в шкаф, а приятеля под печку. Только хотел солдат войти в избу, — подъезжает сам

хозяин-ямщик. Входят они в избу, муж видит на столе самовар и спрашивает бабу, что это за штука, что у ней самовар готов. А баба ему отвечает, что услышала колокольчик его еще за деревней и припасла самовар. Сели пить чай, разговаривают, мужик и спрашивает солдата, что у него за птица. Тот говорит, что птица не простая, она угадывает все, что в доме делается без хозяина. „Вот хочешь, она тебе всю правду выложит?“ Взял солдат сову и нажал, та запищала. „Гляди,—говорит он,—в печи у тебя есть баранина“. Полез мужик в печь и верно — там стоит в плошке баранина. Опять солдат сдал сову, пищит она, а солдат объясняет: „Она говорит, что у тебя в шкапе есть водка“. Глядит мужик в шкаф и верно — там начатая бутылка водки. „А вот послушаем, что она скажет теперь в третий раз,“—говорит солдат. Сдал он ее, пискнула сова. Солдат говорит — это значит, что под печкой лежит любовник твоей жены. Взглянул туда мужик и вытащил любовника, наутюжил ему бока и вытолкал его из избы.

Полюбилась ямщику птица, и он просит ее продать. Солдат запросил за нее двести рублей, сошлись на полторастах. Солдат получил на утро деньги, пошел домой, а ямщик поехал по делу и наказывает жене,

чтобы она обихаживала птицу, кормила ее мясом до сыта и берегла пуще всего. Стала баба кормить птицу, а в это время входит любовник. Видя, что она кормит сову, от которой у него болят бока, он сжал кулак, поднес к ее носу и говорит бабе: „Вот ее надо чем кормить“. Сова вцепилась ему в руку, баба стала его выручать, а сова вцепилась и ей. В это время воротился мужик. Он нарочно вернулся с дороги домой, чтобы поглядеть, что там делается. Увидав, что сова вцепилась каждому в руку, мужик и думает: „Ну, птица, не только рассказывает, что делается в доме, а держит любовников до меня“. Поколотил жену и приятеля, поехал вдогонку за солдатом и дал ему на прибавку еще сто рублей за птицу.

11

Поп и работник

У попа жил работник. Проживши лето, он заметил, что к попадье ходит дьякон, попадья дьякона привечает. Ну, вот в одно

время пошли они с батькой в овин (тут у нас овин есть) сушить жито, а работник заметил: дьякон пришел к попадье. „Ах, погоди,— говорит,— батько, отпустите меня домой“.— „Пошто вы, свет?“— „Да пошто, батько, овцам там не дано, таращатся, ревут, хоть дам им корму“.— „Ну, беги, работник, поскорей“. Работник прибегает. И стучится в окно. Слышит, дьякон тут. „Куда,— говорит попадьа ему,— мне тебя схоронить?“— „А куда,— говорит,— нибудь“.— „Вон в овечий хлев, беги в избушку“. Дьякон побежал в избушку к овцам. Попадья отпирает работнику крылец. „Пошто ты, работник?“— „Да вот косматый чорт удалел, поди, говорит, овцам сена дай“.— „Надо,— говорит,— слушать его“.

Работник берет ременный кнут и входит в избушку к овцам. „Вы, козы-черти, что таращитесь? Что вы разве голодные?“ А сам глядит: дьякон на четвереньках около овец ходит. Он и давай дьякона пороть вместо овцы. „Не просите, черти, жрать. Вот я вам дам сена!“ Овец-то не стегает, а все дьякона-то. Натешился досыта и сам ушел. Входит дьякон в дом к матке. „Ну, матка, мне и попало“.— „А что ты, отец дьякон?“— „Да что,— говорит,— он все не по овцам стегал, а все по мне. Он думал, что я -- овца, он не узнал меня“.

Ну, дьякон ушел от попадьи. Приходит поп с работником домой. „Что ты, матка, никогда сама овцам не дашь?“—„Ах, батько, так ведь они пасутся, они сытые“. Вот вечер пришел. Опять работник запросился у попа: „Батько, я схожу домой.“—„Пошто, свет?“—„Батько, завтра собираюсь в город. Из бочки в бочку надо пересыпать сажу“. —„А куда тебе бочку?“—„Да обихожу, чего-нибудь повезу в ней. Повезу сажу продавать“.

Вот приходит работник, слушает: дьякон тут. Работник стучится. Дьякон спрашивает: „Кто тут?“—„Да чорт несет опять работника“.—„Что там, батько-то угорел что ли? Пошто-то все посылает работника. Куда,—говорит,—мне спрятаться-то, матка?“—„Куда уж теперь, не знаю я, куда тебя спрятать. Иди на двор, в бочку ляг.“ Пошел дьякон на двор, в бочку лег. „Ты пошто?“—попадьи работника спрашивает. „Да вон косматый чорт одолел меня, кажинный вечер посылает. Надо, говорит, одну бочку пересыпать в другую“. Пошел, из одной бочки взял сажу и в другую повалил и покати́л тут эту бочку, а сам ушел.

На второй день опять пошли сушить в овин. „Батько“,—говорит работник. „Что, работник?“—„Я сегодня надумал в город“. —„А пошто?“—„Там сажу больно хорошо

берут, так сажу продать". — "Ну поезжай, свет". Приходит домой, стоит около окна, слушает. Дьякон опять тут. "Ну, косматый чорт, сегодня на выставку отвезу я тебя". И стучится. Дьякон попадье и говорит: "Кто тут?" — "Да работник". — "Какой чорт его принес опять! Чего он забыл?" — "Кто его знает", — отвечает попадья. — "Куда мне спрятаться?" — "Куда? В другую-то бочку ложись, теперь ничего не будет, уж он бочки смотрел". Дьякон лег в бочку. Отперла попадья работнику. "Ты пошто?" — "Вон дурак-то косматый удалел меня, поди, сажу там продай, сажа дорога в городе". Работник взял одну бочку, слышит — пустая. Вторую взял — дьякон лежит. Вот и думает: "Ты мне, косматый чорт, и нужен, вот я тебя повезу на показание всем". Вот в одну бочку сажу перевалил, где дьякон, и давай катать бочку с боку на бок. Дьякон сделался, как чорт. Закупорил работник бочку и поехал. Приезжает в город и кричит: "Кто чертей не видал? Идите сюда!" Из лавок выходят: "Чего ты, дядя, привез?" — "Чего? Чорта." — "А поглядеть сколько берешь?" — "Рубль". — "А публики будет много?" — "Тогда 50 копеек". Сошлось публики много. Работник и давай показывать этого чорта — дьякона. взял, опрокинул бочку. Чорт выскочил из бочки и побежал. Там бегут, кри-

чат: „Держи чорта!“ Нет, не тут-то было, чорт пошел.

Пришел чорт домой к своей дьяконице. „Где ты, отец дьякон, был?“ — „Ах, матка, вот тут-то в такую-то яму упал, не мог никак вылезти. Бабы навалили тут в яме сажни много, я и перевалился, как чорт. Да кабы не попадья, так и не вылез бы: попадья на тот раз попала, вытащила.“

Вот приезжает работник домой. Поп спрашивает: „Ну, что, как сажни продал, на много ли? — „На 200 рублей“. — „Хорошо берут, хорошо. Я поеду скупать сажу“. Поехал поп сажу скупать, набрал сажни много, поехал продавать. „Ай, свет-работник, вы как кричали?“ — „Как кричал? Я кричал: сажни, сажни! А кто не слышит в хороших магазинах, то отворь хороший магазин и бросай две лопатки сажни, тогда узнают, к тебе выйдут“.

Приехал поп в город. Кричит: „Сажни!“ Никто к попу не выходит. Подъехал к хорошим магазинам, отворил магазин и бросил две лопатки сажни. Выбегают из магазина и давай этого попа бить. Кто за косы, кто пинками, всего избили попа.

Попу мало показалось, надо выручить деньги. Еще кричал-кричал, никто не выходит. Еще отворил магазин, потом второй. По две лопатки и в эти бросил.

До того попа избили, насилу поп сел к себе на тарантас. Приезжает домой. „Что ты, батько, весь в крови?“ — „Матка, на мостовой резнулся, расшибся весь.“ — „Эх, батько, все не слава богу. Продали ли сажу?“ — „Нет, не продал, работник обманул“.

12

Как работник попа перехитрил

Один раз поп нанял себе работника.

— Гляди, Иван, мужики косить начали. Надо и тебе завтра выехать на пожню, да поравьше.

— Ладно, батюшка, поеду.

— Только, Иван, ужинать я тебе сегодня не дам, а то ты подрыхнешь. После ужина больше спать хочется.

Обиделся Иван на попа, но ничего не сказал. Утром — еще заря не показалась — поп будит Ивана.

— Поезжай скорее, я и лошадь запрег.

— Позавтракать бы, батюшка...

— Ничего, ничего. Не позавтракаешь — обед слаще покажется.

Еще больше обиделся Иван. „Ладно, — думает, — я тебе отомщу за завтрак“.

Поп пошел спать, а Иван на пожню. Приехал Иван на пожню раньше всех мужиков, лег под кустом и уснул. Приехали мужики, стали косить свою траву, а Иван все спит. Солнце пошло на полдень, трава обсохла, а Иван все спит. Собрались мужики домой, а у Ивана ничего не кошено. „Проучу я попа“, — думает он.

Приехал Иван самым последним домой, а поп его ругает:

— Что рано вернулся? Нет тебе обеда за это.

Рассердился Иван за такие слова, да как топнет ногой.

— Ага, обеда нет? Ну так встань вся травушка на место!

Поп думал, что озорничает Иван. А поехал вечером работника проверить, — глядь, трава-то некошенная стоит.

Чего на свете не бывает

Жил-был барин богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, а прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:— „Слушай, мужик, дам я тебе денег целую маленьку (четверик), только скажи мне, чего на свете не бывает? Нынче люди до всего дошли: и на чорте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же — чего на свете не бывает?“

Почесал мужик затылок. „Не знаю,— говорит,— барин, кажись и взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра, может и вздумаю“.

— Ну, поди, подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: может это и бывает, только я не

знаю. Ну, да ладно, скажу на удачу, авось чего и не бывает.

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости; видят: мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленьку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях так сплошь да рядом. Ступай с богом до завтра, придумаешь — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, — все надежда плохая на барские деньги. Хитры немцы, думает, у них, может, все бывает. Ну, да скажу еще что-нибудь.

Приходит на утро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом на бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет,—говорит,—это бывает; по неметчине и все так. Поди, подумай последний раз.

Скажешь, бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик, идучи домой, думает: видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были.

Все-таки через ночь опять идет к барину. Наскажу, думает, ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет.

— Ну, что хорошенького скажешь, — спрашивает барин. — Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку: уповодом доехали. Повидался с ней, с ребятишками, и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе... как? а сходил домой, принес лопату, выкопался да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну, что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то, не будь плох, сдогадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак, — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился. Бери деньги, да не мели окошечки.

Злой барин

Давно-давно у одного богатого барина жил в пастухах бедный крестьянский мальчик Ванюша-простачок. И был он такой тихий, безответный — все стерпит. Вот осенью, когда пастуху жалованье получать следовало, барин выдумал злую шутку над ним.

— Хорошо ты пас скотину, обижаться нечего. А теперь возьми-ка пять лесных диких зайцев и паси их три дня. Ежели со-

хранишь — жалованье получишь; ежели не сохранишь — голову отрублю.

Дали тут Ване пять диких лесных зайцев. Напугался он: как зайцев сохранить? На другой день только на луг их выпустил, все и разбежались. Ходит Ванюша по лугам, по лесам, сманивает зайцев — ни один не отзывается. Уж вечер подходит, домой пора, а зайцев нет. Идет-бредет Ваня по лесу, горючими слезами заливается. И встретилось ему тут на дороге диво-дивное. Стоит у осины старая колдунья, за нос обеими руками держится, голосит на весь лес:

— Выручи меня, Ванюша-простачок, из беды-напасти. Защемила мне злая осина нос между сучьями, второй день держит, не выпускает. Ежели выручишь — чем хочешь, отблагодарствую.

Помог Ваня колдунье нос вытащить, а потом стал о своем горе рассказывать. Заставил, говорит, меня барин диких зайцев пасти; я выгнал зайцев на луг, а они все и разбежались. Нельзя, говорит, мне теперь без зайцев домой возвращаться — барин голову отрубит.

— Ну, не печалься, Ванюша, — отвечает старуха. — Помог ты моему горю, и я твоему помогу. Возьми вот мою дудку волшебную: как задудишь в нее, все твои зайцы соберутся.

Вышел Ванюша на луг и задудел в дудку волшебную. Глядит — все пять зайцев около него сидят. Обрадовался пастух, домой зайцев погнал. А на дворе у барина народ собрался. Всем дивно, как это пастух диких зайцев целый день на лугу пас и ни одного не потерял. Сказали барину, что зайцы все целы, а тот очень обиделся.

„Перехитрил меня сегодня пастух. Ну, да ладно, — я ему ловушку устрою“.

На другой день барин переодевается в купца и идет на луг к Ванюше.

— Продай, пастушок, зайчика.

— Ой, нет, дяденька, не продам, У меня барин такой чорт злой, что за зайца голову отрубит.

— Ну, полно, пастушок, я с твоим барин-ном сговорюсь, а тебе дам за зайца, сколько запросишь.

Поглядел Ванюша на купца, подумал, да и говорит:

— Ну, ладно, давай тысячу.

Отдал барин деньги Ванюше и думает: „Сейчас я тебе тысячу отдаю, а завтра ты мне голову отдашь. А когда зарублю тебя, деньги-то все равно ко мне перейдут“. И понес барин зайца домой. Только он к дому подходит, а Ваня как трубнет. Заяц-то вырвался у барина; да к Ване и прибежал. Пригнал Ваня и на другой день всех зайцев домой.

На третий день барин посылает барыню к Ванюше:

— Иди, купи у него одного зайца. Да смотри, крепче держи.

Переделась барыня в торговку и пошла на луг к Ванюше.

— Продай, пастушок, зайчика.

— Ой, нет, тетенька, не продам. У меня барин такой чорт злой, что за зайца голову отрубят.

— Ну, полно, пастушок. Я с твоим барином сговорюсь, а тебе за зайца дам сколько только запросишь.

И продал ей Ваня зайца за две тысячи. Идет домой барыня, крепко держит зайца за уши и за ноги. Только как трубно Ванюша в волшебную трубочку, — все равно заяц у барыни вырвался, к нему прибежал. Пригнал Ваня и на третий день всех зайцев домой.

Выходит к нему барин и говорит:

— Ну, вижу, что перехитрил ты меня, пастух. Вот тебе последнее испытание от меня: наговори два пуда слов. Выполнишь — жалованье за работу выдам, не исполнишь — голову отрублю.

И вот съехалось к барину много гостей. Барин хвастается перед гостями: есть, де, у меня Ванька-пастух, он два пуда слов наговорить может. Позвали Ваню к гостям,

принесли два мешка-пудовика с завязками.

— Ну, Ваня, начинай.

А Ваня и говорит:

— Один злой барин заставил пастуха диких зайцев пасти, чтобы пастуху денег не заплатить, ему голову отрубить. А когда пастух зайцев домой всех пригнал, барин задумал злую хитрость: зайца через обман купить, чтобы пастуха загубить.

Тут барин как закричит:

— Довольно, довольно! Пуд наговорил, завязывайте мешок!

Стал Ванюша второй пуд слов наговаривать:

— Когда заяц-то у барина вырвался, барин на другой день переодетую барыню пастуху подсылает, чтобы зайца через обман купить, пастуха загубить, ему голову отрубить.

Тут барин и барыня уже вместе закричали:

— Довольно, довольно! Пуд наговорил, завязывайте мешок!

Не посмел тут барин денег Ванюше не выдать (ведь уговор был) и отпустил Ванюшу на все четыре стороны. И стал Ванюша жить-поживать, да добра наживать.

Царь и швец

Когда-то жил был царь на царстве, на ровном месте, как сыр в масле. Этот царь охотник был сказок слушать. И послал он по царству указ, чтобы сказали ему сказку, которой еще никто не слышал.

— За того, кто лучше скажет, отдам полцарства и дочку свою царевну.

Этой сказки сказать никто не находится.

Приходит швец, — говорит царю:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал швец сказки сказывать:

— Как доселева был у меня батюшка: богатого живота человек! И он построил себе дом: голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали. У этого дома был двор: от ворот до ворот летом в целый день голубь не мог перелетывать. Слыхали ль сказку вы, господа-бояре, и ты, надежа-царь великий?

Те говорят:

— Не слыхали.

— Ну так это не сказка, а присказка:

сказка будет завтра вечером. Теперь прощайте.

И ушел.

И приходит опять на другой день и говорит:

— Ваше царское величество! Извольте напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал швец сказки сказывать:

— И как доселева был у меня батюшка: богатейшего живота человек! И он соорудил себе дом: голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали. У этого дома был двор: от ворот до ворот летом в целый день голубь не мог перелетывать. И на этом дворе был выращен бык: на одном рогу сидел пастух, на другом — другой; во трубы трубят и в рога играют, а друг у друга лица не видят и голосов не слышат. Слыхали ли такую сказку вы, господа-бояре, и ты, надежа-царь великий?

— Нет, не слыхали.

Шапку взял, да и ушел.

Царь видит, что это человек непутной: жаль стало царевну отдать, — говорит боярам:

— Что, господа бояре? Скажем ему, что слыхали такую сказку и подпишемтесь.

Бояре согласились, что слыхали-де такую сказку, и подписались.

На третий день приходит этот портной и говорит:

— Ваше царское величество, извольте меня напоить-накормить: я вам стану сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал швец сказки сказывать:

— Как доселева жил-был у меня батюшка: пребогатого-богатого живота человек! И построил он себе дом: голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали. У этого дома был двор: от ворот до ворот летом в целый день голубь не мог перелетывать. И на этом дворе был вырощен бык: на одном рогу сидел пастух, на другом — другой; во трубы трубят и в рога играют, а друг у друга лица не видят и голосов не слышат. И на дворе была вырощена кобыла: по трое жеребят в сутки носила и все третьяков. И он в ту пору жил гораздо богато! И ты, надежа-царь, занял у него сорок тысяч. Слышали ли такую сказку вы, господа-бояре, и ты, надежа-царь великий?

Господа видят, что нечего делать: говорят все, что слыхали.

— Ты, великий царь, занял у моего батюшки сорок тысяч денег: вот, вишь, все господа слыхали. А ты мне денег до сих пор не отдаешь.

И видит царь, что дело нехорошее: надо отдать царевну и полцарства, либо сорок тысяч денег.

Отдал ему сорок тысяч денег.

Вот и сказка вся.

16

Почему царя Николая кровавым звали

Царь-от был жестокий да злющий с самого детства. Бывало, все и забавлялся тем, что кошек да крыс живыми над огнем жарил. А еще, говорят, и так бывало: заставит согнать мальчишек со всего города, да и велит им драться кирпичами да палками ради своей утехы. Потом, когда в годы вошел и жениться задумал, созвал он в свои палаты главных архиереев:

— Предсказывайте мою судьбу царскую.

Архиереи поглядели в святцы, пошептались между собой и говорят:

— Родился ты, царевич, под злой звездой-планетой. Убийской та звезда-планета зовется. И надо ту звезду-планету задобрить кровью невинно убитых в день твоего венчания. А не задобришь — не будет счастья в жизни твоей.

Крепко задумался царь. Что бы придумать такое, что и звезду-планету задобрить, и себя утешить жестокостью лютой. Ох, любил царь жестокости! И вот придумал царь согнать миллион народу на свою свадьбу. А когда с венчания из церкви ехал, то к народу с такой речью обратился:

— Пирую, — говорит, — я свою золотую свадьбу, веселюсь. И вы, народ, должны веселиться. Свезу, говорит, только домой царицу Александру, подарки вам вышлю и сам буду на ваше веселье смотреть.

Приехали царь с царицей во дворец, пир-веселье начали. Только про подарки народу что-то и помину нет. Министры да генералы забеспокоились, к царю в ноги кланяются.

— Народ, — говорит, — о подарках волнуется. Как бы, — говорит, — за обман тебе и нам бока не намяли.

Стукнул царь кулаком по столу:

— А ну, министры да генералы, выкладывай все наличности.

Собрали тут денег самое многое сотен пять, аль шесть: выслал царь своих слуг подарки закупать, да народ подарками оделять. Да разве мильон людей пятью сотнями оделишь? И вот слуги царские крикнули в трубы: кто первый подбежит, тот и получит подарки, — на всех, мол, никак не хватит. И началось тут волнение великое. Задние прут на передних, передние падают, задние бегут через них. Кричат все, стонут, кости трещат. А царь в окошко любится. Увидел, что народ ко дворцу придвигается, вызвал конную:

— Дави, — говорит, — их больше!

Мало кто ушел от этого ужаса. Полмиллиона людей, говорят, было передавлено. На площади было вырыто семьсот колодцев, и все эти семьсот колодцев были мертвецами завалены. И вот с тех пор все злее и злее стал царь; как только почувствует беспокойство в совести, аль жалость к кому, так и бежит к тем колодцам, где безвинные люди покиданы. А как взглянет на колодцы, так вся жалость пройдет, и лютоści больше прибавится. Только, говорят, что пока царь стоит у колодца, кровь-то из убитых в него переходит. И все больше и больше наливается кровью царь — красный стал такой, что стыдно на-люди показываться.

И зовет один раз царь к себе живописца:

— Сымай, говорит, портрет с меня, только

рисуй меня белым да приятным. А нарисуешь похожим на меня, — голову отрублю.

И нарисовал живописец портрет облыжный, а царь велел живописца казнить, чтобы он правду никому не рассказал. Только правду от народа не укроешь: все узнали, что царь-от кровавый.

Н А Р О Д Н А Я Д Р А М А

17

Афонька и барин

Барин. Афонька Новой!

Афонька. Чего, барин Голой?

Барин. Много ли вас у нас?

Афонька. Один только я, сударь.

Барин. Стой, не расходись: я буду по-
верять, — всякого в ремесло какое назначать,
в Питер на выучку посылать. Отчего ты,
мошенник, бежал?

Афонька. Вашу милость за волосы по-
держал.

Барин. Я бы тебя простил, а может и
наградил: в острог бы тебя посадил.

Афонька. Я, сударь, не знал, а то бы еще дальше забежал.

Барин. Где ж ты это время проживал?

Афонька. Да все в вашей новокупленной деревне в сарае пролежал.

Барин. А, так ты и новокупленную деревню мою знаешь? Скажи-ко, брат, каково крестьяне мои живут?

Афонька. Хорошо живут, барин: у семи дворов один топор.

Барин. Как же они, мошенник, дрова-то рубят?

Афонька. Один рубит, а семеро в трубы трубят. А вот хлеб у них, барин, хорош уродился.

Барин. А каков в самом деле?

Афонька. Колос от колосу — не слышать девичьяго голосу, копна от копны на день езды, а как тише поедешь, так и два дня проедешь.

Барин. Что они с ним сделали?

Афонька. А взяли, собрали: истолкли, да и поставили под печной столб просушить. Да несчастьицо, сударь, повстречалось.

Барин. Какое?

Афонька. Были у них две кошки блудливы, пролили лоханку, хлеб-то и подмочили.

Барин. Что же они с ним сделали? неужто так и бросили?

Афонька. Нет, барин! они сварили пиво, да такое чудесное, что, если вам его стакан поднести, да сзади четвертинным поленом оплести, так будет плести.

18

Афонька малый

Барин. Слуга мой! а мой слуга! Афонька малый! подь сюда!

Афонька. Что, барин голой?

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Что, барин добрый!..

Барин. То-то, не ошибайсь!..

Афонька. Не ошибаюсь, барин!..

Барин. Подай водки!

Афонька. А где бы я взял?

Барин. Во втором поставе.

Афонька. Чорт что ли ее поставил?

Барин. Мерзавец, погляди в другом!

Афонька. Я и то гляжу кругом, да нигде нет!

Барин. Дурак, которую вчера-то пили!..

Афонька. Так это, барин, мы в гостях были! (*Уходит*).

Барин. Ах, чорт возьми, я думал, что мы свою пили!.. *(Опять зовет Афоньку)*.

Афонька. Что, барин голый?

Барин. А я хорош?

Афонька. Хорошо, барин.

Барин. А как хорош?

Афонька. Как сыч на морозе.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Как маков цвет в огороде.

Барин. А хорошая моя барыня?

Афонька. Хорошая, барин.

Барин. А как хороша?

Афонька. Как корзина.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Как картина... *(Уходит)*.

Барин. Слуга мой, Афонька малый!..

Подь сюда. *(Афонька является с обычной фразой)*. Съезди-ка в мою вотчину, исправно ли там крестьяне живут? *(Афонька уходит и через несколько времени является)*.

Барин. Ну, слуга мой, Афонька малый, исправно ли мои крестьяне живут?

Афонька. Исправно, барин.

Барин. А как исправно?

Афонька. У семи крестьян один топор и тот без топорща.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. У каждого крестьянина по семи топоров.

Барин. А каковы у них дома?

Афонька. Хороши, барин.

Барин. А как хороши?

Афонька. Четыре кола вбиты, да бороной покрыты, сами живут на дачах, а зайцы по комнатам так и скачут.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. У всех дома круглые!

Барин. Теперь скажи, слуга мой Афонька малый, как мои крестьяне удобряют землю, часто ли у них кулышек?

Афонька. Часто.

Барин. А как часто?

Афонька. Кулышка от кулышка, как от селя до Барышка.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Кулышка возле кулышка, деревенская телега не проедет.

Барин. А какова у них рожь?

Афонька. Хорошая, барин!

Барин. А как хороша?

Афонька. Колос от колоса — не слышать человеческого голоса.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Непрорезимая рожь: колос подле колоса.

Барин. А часто ли у них суслоны?

Афонька. Ой, барин, часто!

Барин. А как часто?

Афонька. Суслон от суслона, как отселя до Ростова.

Барин. Часто ли у них снопы были?

Афонька. Сноп от снопа, как чорт от попа.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Сноп возле снопа!

Барин. А каков сенокос?

Афонька. Хорош, барин!

Барин. А как хорош?

Афонька. Косили в сто кос, накосили один воз.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Косили в сто кос, накосили сто возов. *(Уходит)*.

Барин. Афонька малый!

Афонька. Что, барин голый?

Барин. Кажется, там были индейки?

Афонька. Были, барин, были.

Барин. Каковы же они?

Афонька. Видом по жаровню, а весом по пуду...

Барин. А как же этих кур щупают?

Афонька. Пойдет в лес

Человек шесть,

Вырубят шест,

Двое наставляют,

Двое пихают,

А двое яйца огребают.

Барин. Им жить-то, видно, весело!

Афонька. Жить-то весело, а есть-то нечего!

Барин. Кажись, там у нас сесть свинка?
Афонька. Есть, барин... была...

Эта свинка не бегала,
А все сидела, да обедала...
Подобрался волк,
Схватил свинку за висок
И грянул о песок.
Эта свинка на небо взглянула
И всех родителей вспомянула:
Тюху, да Митюху.
Да Колупайко с братом.

Барин. Так это не свинка, а это козел!
(Афонька уходит).

Барин. Афонька малый, подь сюда!

Афонька. Что, барин голый?

Барин. Напой-ка моих коней!

Афонька. Я, барин, поил...

Барин. А что у них губа суха?

Афонька. Потому, что колода высока.

Барин. Так ты бы подрубил...

Афонька. Я им передние-то ноги от-
рубил!

Барин. Так ты бы подсек!

Афонька. Я им и задние-то отсекаю!

Барин. Мерзавец! Ты коня-то привел?

Афонька. Нет, я на кожевенный двор
свел!

Барин. А куда кожу девал?

Афонька. Продал.

Барин. А куда деньги девал?

Афонька. Пропил!

Барин. А где это время находился?

Афонька. А у твоих крестьян в овине ночевал.

Барин. А как бы овин-то загорелся?

Афонька. А я бы снял портки, да и погрелся!

Барин. Мерзавец! На чем же я теперь домой поеду?

Афонька. А я тебя, барин, за уши стащу.

Барин. Как ты сказал?

Афонька. Я тебя на себе унесу...
(Уходит).

Барин (зовет Афоньку, тот является).
Съезди-ка в мою родительскую усадьбу, — узнай, все ли там благополучно.

Афонька. Я сейчас оттоль приехал.

Барин. Так все там благополучно?

Афонька. Все, барин.

Барин. Так вот что: не привез ли ты мне оттоль это... я и сам позабыл... чорт ее возьми... какой-нибудь писульки?

Афонька. Да, барин, привез тебе от мужика сосульку.

Барин. Да, мерзавец, просто письмо!

Афонька. Ох да! есть вам, барин, письмо!..

Барин (берет письмо и читает). Как же ты, мерзавец, сказал, что все благополучно,

а вот тут пишут в письме, что мой перочинный складной ножичек был в столе в моем кабинете, и он сломан. Что им делали и сломали его?

Афонька. А серую кобылу, барин, ободрали...

Барин. А разве моя серая кобыла сдохла?

Афонька. Да, барин, померла!

Барин. Врешь, мерзавец, разве лошади помирают? Говори, что сдохла!

Афонька. Да, померла, барин, померла, померла!

Барин. Как же ты, мерзавец, обманываешь своего господина? Ты сказал, что все сохранно, а вот тут пишут, что моя родная маменька померла?

Афонька. Да, околела, барин! *(Ходит по комнате, указывая на барина)*. Это вот мой хозяин!

Барин. Кто, я твой хозяин?

Афонька. Да, мой хозяин!

Барин. Нет, я тебе не хозяин! Я тебе господин, а ты мой раб!

Помещик и староста

Помещик приезжает в свою усадьбу — имение и кричит:

— Эй, староста! Да ты где в это время находился?

— В овине сушился, ваше шкабродие.

— Ну, если бы овин загорелся?

— А я вышел бы да погрелся.

— А хорошо мои крестьяне живут?

— Хорошо, ваше шкабродие: у семи дворов один топор, и тот без обуха, и трое ворот и все на огород, одни не запираются, а другие не затворяются, а третий чорт знает, где валяются.

— А хорошо ли мои крестьяне едят?

— Хорошо, ваше шкабродие: душу не молят, кашу не варят, горшок у кого постучится, у того круп-то не случится.

— Говорят, в моем имении много скота?

— Много, ваше шкабродие: кто любит ветчину, кто солонину, кто баранину. Спорят, спорят, да ничего и не сварят, все порошни чаны.

— А говорят, в моем имении хлеба много?

— Много, ваше шкабродие: я сам семь скирдов намолотил и склал на полатях, а

кот-Васька хвостом махнул да все к чорту и смахнул.

— Говорят, в моем имении кони хороши? Приведи-ка парочку, чтобы в дышла ходили.

— Хороши, ваше шкабродие: двое под уздцы, чтобы не плясали, четверо с боков, чтоб не упали.

— А ты собрал ли мне оброк с моих крестьян?

— Собрал: с Фомки да с Еремки по две копейки, а с Валейки одну копейку.

— А почему с Валейки одну копейку?

— А потому, ваше шкабродие, что он беден, как бес, — по три дня хлеба не ест, да он обижается, велика семья, да и барин-то свинья.

— Прочь, негодяй! Что же мне остается сделать?

— Да не больше, не меньше, как умереть. Да и то: наша жизнь — сказка, смерть — развязка, а гроб — коляска и ехать не тряско!

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧЕТЫ

Свадебные песни

20

Не было ветру,
Да не было ветру,
Да вдруг навесило.
Не было гостей,
Да не было гостей,
Да вдруг наехали.
Растворили ворота,
Да растворили ворота,
Да на — пяты,
Раздавили зо —
Да раздавили золотую
Чару.
Прослезнили святу,

Прослезили святу,
Святу Аннушку-душу.
Уговаривал, да уговаривал,
Свет-Алексей господин:
— Ты не плачь, не плачь,
Да ты не плачь, не плачь,
Да-свет-и Аннушка-душа.
Сам и я срублю,
Да сам и я срублю
Да сени новые.
Я и сам солью,
Да я и сам солью
Да золоту чару,
Золоту чару
Да золоту чару,
Да мелкотравчатую.

21

Воля милым девушкам,
Как лазорев цвет;
Красуйтесь вы, голубушки,
Пока воля есть.
К вам придет скоро суженой
В тиши распевать,
Дорогую свою волюшку
Скромно ее сохранять.
Дорогая наша волюшка —
Она очень хороша;
В чистом поле алой цветичек

На траве была краса...
Кто сорвать его осмелился,
Этот маленький цветок?
Для примеру мальчик женится,
Не считаясь женихом.
У отца была, у маменьки
В неге и добре,
Пойте, птицы певчие,
В саде, в поле и везде...
Залетна, вольна кукушечка,
В садике кокуй, кокуй,
Милая наша подруженька,
Век живи, живи горюй...

22

Вострубила трубонька
Рано на заре,
Сплакала свет Манечка
По русой косе.
Вечер ее косыньку
Девицы плели,
Разным ее жемчугом
Всю унизывали.
Заслал Ваня свахоньку
Не милосливу.
Стала мою косыньку
Рвать и порывать;
Алые-то ленточки
Все изорвала;

Разный ее жемчуг-от
Весь рассыпала.
Разнимала косыньку
На шесть долей,
Заплетала русую
На две косы;
Обвивала русую
Вокруг головы.

23

Что вы спите, -- высыпайтесь!..
При какой же вы радости?
Или меня вы изживаете?
Всю я ноченьку не спала,
Всю я думушку передумала,
А над утречком позабылася.
Мне приснился сон нерадостный;
Ко моей-то ко постелюшке
Подходила девья красота,
По головушке погладила
И одеялечко поправила;
Я ее не приголубила,
На меня она рассердилася,
Больше в гости не сулилася,
И пошла она заплакала
Во поля-то ли во чистые,
Во леса-то во дремучие!
Прививалась девья красота
Ко сухому-то ко дереву.

И тому сухому дереву
Не бывать два раза зелено.
А мне-то молодешеньке,
Не бывать во красных девушках!

24

Как засватала сваха милая,
Запоручила родная маменька...
Вот я год жила, жила не плакала,
На второй-то год я заплакала...
Я пойду, схожу во дремучий лес,
Припаду к земле и послушаю,—
Что не чуть ли где голос маменьки?
Чу! заносится голос маменьки:
— Ты ау, ау!.. родное дитятко,
Не в лесу ли ты заблудилось?
Не в траве ли ты запленилось?
Не в росе ли ты перемочилось?
— „Заблудилась я во чужих людях,
Запленилась я во чужих словах,
Перемочилась я в горючих слезах...“

* *
* *

Во тереме, тереме,
Во высоком новом тереме,
Там сидела красна девица,
Она шила ковер золотом,
Вышивала чистым серебром,
Не дошивши, ковер сложила

И домой пошла заплакала,
Ко родильнице ко маменьке,
Ко родильщику ко папеньке,
Ко своим-то ко милым сестрам,
Ко своему-то братцу милому:
„Уж вы дайте мне провожатова,
Провожатова — брата милова,
Проводил бы он меня молоду
На чужую дальнюю сторону“.
Провожал меня милой братец,
Провожал, — крепко наказывал:
— „Ты носи платье — не скидывай,
Ты терпи горе — не сказывай,
Поносивши — платья сложатся,
Потерпевши — горе скажется...“
На чужой-то на сторонushке,
Посылали меня молоду,
Посылали меня молоду
Во глухую полночь по воду,
Со родимой-то сторонushки
Налетели гуси серые,
Налетели гуси серые
И взмутили воду свежую,
Вот я ждала-дождалася,
Когда вода устоялася.
Не могла тово я дожидатися
И домой пошла с пустым ведрами,
Под окошком я послушала,
Свекор-батюшка кастит-бранит,
А свекровушка-то побить велит.

Одна милая золовушка
За меня слово замолвила:
— Эка глупа, неразумная!
Почерпнула бы мутной воды,
Вода в ведрах устоялася,
Сердце свекра уходилося,
Сердце свекра уходилося,
А свекрови возжалилося.

25

Ты прости-ко, краса девичья,
Я на век с тобой растануся,
Молодохонька наплачуся,
Опущу я тебя, красота,
Опущу тебя со ленточкам,
Во поля, луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстры реки текучие.
Погляжу я, красная девица,
Погляжу на свою красоту,
Вкруг чего она обвилася:
Вкруг осинушки ли горькия,
Вкруг березоньки ли белыя,
Али вкруг яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки горькия, —
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,

Вкруг березоньки-то белыя,
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечно.
Если ты обвелась, красаота,
Вокруг яблоньки кудрявыя,
Мне житье будет хорошее,
Развеселое, богатое (счастливое).
Я возьму ли тебя, красаота,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красаота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Как придут-то люди добрые,
В лето теплое и красное,
Во луга с косами острыми,
Что найдут-то тебя, красаота,
И возьмут на руки белые,
Вот как скажут: чья-то красаота
Не на местечке положена,
Хоть и бережно поношена,
Тут не место тебе, красаота,
Тут не место красоватися.
Я отдам же тебя, красаота,
Что голубушке, милой сестре,
Поклонюся ей низехонько:
„Ты возьми, возьми, мила сестра
Покрасуйся в моей красаоте“.
Ты прости-ко, моя красаота,
Я в тебе покрасовалася,
Берегла тебя, лилеяла

И от солнышка от красного,
И от вихря-ветра буйного,
И от дождичка от частого;
Ты дороже мне казалася
Золотой казны рассыпчатой,
Светлее ясного ты месяца,
Ярче солнышка красного“.

26

Ветры буйные, разбушуйтесь,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать,
Чтоб за мной молодой чужим людям.
Затворитесь, воротечки,
Вы широко, крепко-накрепко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозна,
Туча грозная, да громовитая, —
Напустися ночью темною,
Рассыпайся, крупный дождичек,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать
Ко мне злым чужим людям.
Ты послушай, сокол милый брат,
Я об чем тебя просить буду:
Ты сходи-ко, сокол милый брат,
Во поля, в луга во чистые,
Во леса-то во дремучие,
Во дубравушки зеленые,
Где сырой бор с ветром спорится,

Там все звери люты водятся.
Ты поймай-ка зверя лютого,
Зверя лютого, едучего,
Из рта его — огонь пламенем,
Из ушей его дым столбом валит,
Из очей его искры сыплются.
Привези ты мне зверя лютого,
Привяжи его к двору батюшки:
Как подъедут-то злы чужие люди
К широкому двору ко красному, —
Они зверя-то испугаются,
От меня молодой прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалась
У кормилица моего батюшки,
У родимыя моей матушки,
У соколиков братьев милых,
У голубушек невестушек.

27

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого,
Из-за гор-то, гор высоких,
Тут летит стадо серых гусей,
А другое лебединое.
Отставала тут лебедушка,
Приставала ко серым гусям.
Серые гуси стали щипать,
Лебедка стала кликати:
— Не щиплите, гуси серые!
Не сама я к вам залетела,

Занесло меня погодою,
Что погодою-невзгодою.

28

Подъехал я, друженька,
Подъехал молоденькой
К высоким теремам,
К широким воротам;
Выскочил я, друженька,
Выскочил молоденькой
На белые снежки,
На сафьяновые сапожки,
На высокие каблучки,
На медные гвоздики,
На самые носки.
Иду я, друженька,
К высоким теремам,
К широким воротам.
Воротечки, растворитесь,
Вереюшки, расшатитесь,
У дружки копеечки раскатитесь.
Иду я, друженька,
Широким двориком,
Ножками попинываю,
Грудки к стенкам раскидываю,
Себе путь-дороженьку ищу.
Становлю я своего доброго коня:
Под темные облака,
Под частые звездочки,

Под светлые месяца,
Ударяю его по высоким степям,
По широким ребрам.
Экая сбруя! Сбруя с кистями,
Узда с шургунцами,
Узда с колокольчиками,
Седелка с наборами,
А дружка с приговорами.
Становлю я его, не привязываю,
А словами наказываю:
Стой мой конь, не шатайся,
Меня, дружку, с высокого
Терема дожидайся.
Вот я по двору пошел,
Часту лестницу нашел.
Экая лестница частая!
Эта лестница в сыром бору рублена,
На добром коне вожена,
Топориком рублена,
Долоточком долблена;
Ступени еловые,
Перила сосновые,
Хорошие ручки делали,
А дружкины ножки по ней бегали.
Иду я, друженька, калиновым мостиком
К избеным дверям.
Вижу петельки полужевые,
Скобочки золоченые,
Без имени двери не отворяю,
Без молитвы дружку в избу не пускают;

Моли́тву со́творю,
Двери на пята раствору.
Скок через порог!
Насилу ноги переволок.
Ноги кривыя,
Лапти большия,
Портянки изорваны.
Выхожу я, друженька,
Из-под брусьев висучих,
Из-под полатей скрипучих.
Вот, милый сватушка,
Вижу в доме у вас непорядки:
На полатах лежат ребятки —
Кисейные брюшки,
А на голубце тетушки Федоры —
Оборванные подола;
На печи старые старушки —
Берестяные верхушки.
Вот, милый сватушка,
Что-то у вас балочки гнутся,
Половички скрипят,
Видно с девицами кланяться велят.
Положим по поклонцу:
Голова не отвалится,
А честь бесчестья легче.
Здравствуйте, красные девицы,
Криночные блудницы,
Горшечные полуношницы!
Криночки воровали,
Под ясли прятали,

Мальчи́ков наших подкармливали.
Теперича милости просим
К нам в подполье.
У нас в подполье
Пироги с морковью
Пекут и мажут,
Только вам не кажут.
Вот, милый сватушка,
Ехали мы чистыми полями,
Темными лесами,
Ехали мы волоком,
Насчитали семьдесят семь едок.
Ехал я, дружка,
И, переехав, захотелось напиться:
Нет ли у вас для нас винца?
А не винца — пивца,
А не пивца — кваску,
А не кваску — водицы,
А не водицы — позволите нам красную девицу,
Вашу ряженую — нашу суженую.

29

Ты, родимый батюшко!
Ты пой гостей допьяна,
Чтобы гости позапили,
Меня младу позабыли!
Ты родимый милый брат!
Поди-тко на широкий двор,
Оседлай коня ворона,

Поезжай во темный лес,
Сруби белу березоньку,
Завали путь-дороженьку,
Чтобы нельзя было проехать!
Ты родная моя тетушка!
Ты дари-тко, моя тетушка,
Ты дари гостей по-ряду:
Не дари-тко двух гостей:
Что первого гостя не дари,
Друженьку-разлученьку;
А другова гостя не дари,
По праву который сидит по рученьку!
Подарен добрый молодец
Моей буйной головушкой!

Причеты по умершим

30

(В момент смерти)

Ты, родимо мое дитятко,
Уж ты, чадо мое милое,
Оставляешь ты, родимое,
На свово кормильца тятеньку

Ты родиму свою маменьку!
Уж еще то ты, родимый мой,
Уж ты, чадо мое милое!
Уж ты, чадо да любимое;
Уж как кто-то нас поить-кормить
Да при нашей старой старости,
При великой нашей древности!..
Наказал ли ты, родимый мой,
Да своим-то братцам милым
Да поили бы, кормили бы,
Уж как нас-то, горе-бедных,
Уж как нас-то, горемышных!..
Уж просил ли ты, родимое,
Ты, родное мое дитяtko,
Ты сестриц-то своих милых,
Заменяли бы родимые
Уж как нас-то, горе-бедных,
Во тяжелой-то работушке,
Уж как нас-то, горе-бедных,
Уж при старой-то ли старости,
При великой большой древности!

31

(При выносе на кладбище)

Ты гости, мое родимое,
Ты, родимо мое дитяtko,
У своих-то у родителей
Да в своих-то дорогих гостях,
Во своем высоком тереме,

У свою кормильца тятеньки,
У своей родимой маменьки,
Как у ясных своих соколов,
У своих-то братьев милых,
У своих-то у голубушек,
У своих сестриц-то милых
Во первые и в последние!..
Ты пойдешь, родимо дитяtko,
Ты пойдешь, мое родимое,
По зеленым-то по тропочкам,
Не сойдешься ли, родимый мой,
Ты с моим кормильцем тятенькой?
Со моей родимой маменькой?
Расскажи-ко ты, родимое,
Да мое ты, чадо милое,
Про мое-то горе бедное,
Про мое житье несчастное!..
Уж живу я, горемычная,
Уж как в горюшке великнем
И в работушке тяжелой.
Уж меня-то горемычную,
Заменить-то меня некому
Во тяжелой-то работушке...
Во великой во заботушке...
У меня-то ли у горькой,
Уж детей у меня стадечко,
Уж как стадо лебединое;
Уж как все-то необутые,
Уж как ходят все разутые,
И голодные, и холодные!

(При опускании покойника в могилу)

Ты прощай, мое родимое!
 Ты, родимо мое дитятко,
 Уж ты, чадо мое милое;
 Я прощаюсь, родимое,
 Во первые и в последние.
 Вы зайдите, тучи грозные,
 И подуйте, ветры буйные,
 Разнесите мать сыру-землю,
 Расколите гробову доску
 И откройте тонко подлотно!
 Ты, родимо мое дитятко,
 Ты вставай-ко на резвы ноги,
 Уж ответь-ко ты, родимый мой,
 Ты единое словечушко
 Ты своей родимой маменьке,
 И кормильцу своему тятеньке;
 Уж как видно ты, родимый мой,
 Ты скрепил свое ретивое сердце
 Крепче камешка горячего...
 Нет от камешка-то острости,
 От сырой земли мне отвести!..

(При возвращении с кладбища)

Уж пойдем мы, горе-бедное,
 Уж пойдем мы, горемычное...
 Уж скажи, мое родимое,
 Да родимое мое дитятко:

Уж как, где-то мне встречать тебя,
Уж как, где-то мне стоять будет?
У зеленого ли садику,
По которой тропке хаживал?
Уйду я, горе-бедное,
Уйду я, горемычное,
Остановлюсь я, горе-бедное,
Я у садика зеленого.
Как во садике зеленом
Хорошо цветет там яблонька.
Как на этой-то на яблоньке,
Как сидит там вольна пташечка,
Уж как эта ли то пташечка,
Как поет песню горючую.
Уж спросила тут я, горькая,
Я своей-то вольной пташечки:
„Уж ты, вольна моя пташечка,
Голосиста канареечка!
Уж не пой ты эту песенку,
Про мово ты чада милого.
Разболелось мое сердце
Об моем-то чаде милым,
Об моем чаде любимом!“

(Обращаясь к мужу, говорит):

Уж ты, ладо мое милое,
Уж была я, горе-бедное,
Я во садике зеленом.
Уж как пела вольна пташечка,
Голосиста канареечка,
Пела песню заунывную

Про мово-то чада милого,
Про мово чада любимого,
Как хвалила мово родимого,
Да родимого-то дитятка.
Ото всех он был любимым,
Ото всех-то он был добрым!
От суседов, от суседушков,
От суседних малых детушек.

34

(Причет жены по мужу)

Ты послушай меня, ясен сокол,
Сокол ясный — лада милая,
Слово горькое, слово печальное
Через землю сыру матушку,
Через крышу — гробову доску,
Через саван белый, вышитой,
Моей правой рукой выбраной,
На тебе-то много сложенный.
Тяжело мне, молодехоньке,
Без тебя жить, лада милая!
Люди злые молодехоньку
Попрекают, всюду мыкают.
Согрубят — млада расплачуся,
Житье вдовье — без платка головушка,
Житье вдовье — дом некутанный.
Житье вдовье — не затейное.
Житье вдовье — не застойное!

О, ох, бед-на-я!

Ты приди-ка, лада милая,

Ты приди хоть ночью темною,—
Хоть во сне-то на минуточку
Ко своей подруге — ладушке,
И прижми-ко к ретиву сердцу
Ты горюшу крепко накрепко!..

О, ох, горе, о горь-кая!
Прилети-ко ясным соколом,
Прилети-ко соловеюшком
Хоть на малую минуточку,
Той минутой радость скажется,
Той минутой сердце спрыгает.

О, ох, я раз-несчаст-ная!
Расступися мать сыра земля, —
Приоткройся гробова доска,
Распахнися саван вышитый,
Моей правой рукой выбранный,
Вылетай мил ясным соколом,
Пой-воспой-ко соловеюшком;
Я взяла бы тебя, пташечку,
На свои на руки белыя,
Приласкала бы, прихолила,
Примочила перья сизыя,
До мокра слезами горькими
И снесла бы в свой во вдовый дом.
О, ох, горюша горькая!

П Е С Н И

35

Мтицы

С того было с чистого поля,
С того было с теплого моря,
С того было с темного лесу
Прилетала малая мтица,
По имени зовется невица.
Садилась на част на ракитов куст,
И стала она воспевати,
Жалобно мтиц воскликати:
Слетайтесь мтицы все стадами,
Садитесь мташки все рядами,
Скажите про вести про морские:
Коя на море мтица меньшая,
Коя мтица на море большая,

Коя мтица на море в работе,
Коя мтица на море в заботе?
Проговорит малая мтица:
Ах вы, глупые, глупые мтицы,
Нет у нас на море мтицы меньшие,
А все мтицы на море большие.
Камор-мтица Владимир:
Всем она мтицам владеет.
Павлин у нас на море царем,
Павлина есть его царица.
Черные выри патриархи.
Архим на море строитель.
Цапля на море полковник,
Пугай у нас на море ефрейтор,
Мартышечки пешие солдаты.
Скворчики на море скоморохи.
Истов на море капрал.
Волгарь на море гость торговый.
Орел у нас на море наездник.
Сокол-мтица у нас на море наместник.
Грек мтица властица.
Камюк у нас на море стряпчий,
Рябчик на море урядник,
Тетерев на море приказчик.
Ястреб на море десятник:
С десятку берет он по цыпленку,
С скудные, бедные бабы
По два и по три цыпленка.
Уточки на море крестьяна.
Снегири на море дворяна.

Гуси на море бояра.
Лебеди на море князя.
Сова у нас на море княгиня:
То-то высокие брови,
То-то умильные взгляды,
То-то желтые сапожки,
То-то ремезинная походка.
Сыч у нас на море сыщик.
Филин на море воевода.
Дятел у тещи зять богатый.
Сорока гостинная жонка:
Любит она щепетко ходити,
Цветное платье носити,
С денежки на денежку вступает,
Рублем ворота запирает,
Полтиной она отпирает,
Без калачика она не сядет,
Без сыты не изопьет,
Мед да вино воскушает.
Голубь на море попик,
Перепелка попадейка.
Рунжа на море просвирня,
Рунь-д-от у нас пономарик.
Маляньки цыплята крылышата.
Соловей дьяконом церковным.
Стрижи на море рыболовы,
Свежую рыбицу ловили,
Малых детонёк кормили.
Голук-воробейшка летает,
Сыт воробейка не бывает.

Черный ворон игумен.
Грачи у нас на море старцы,
Старицы галицы черницы,
Пигалицы клеветницы.
Ласточки у нас на море девицы,
Касаточки молодницы.
Кокушечки на море вдовицы:
Денно и ночью кокуют.
Баран у нас на море плотник.
Жолна у нас на море топорник.
Кулик на море водовозчик.
Жаровень на море перевозчик:
По синему по морю гуляет,
Всяких людей перевозит,
Цветного платица не мочит.
Серая гуня б... ворона,
Летом она по суслонам,
Зимой-то ворона по дорогам,
На пусто рот розевает,
Каждого братом называет.
Худая мтица синица:
Хлеба пахать она не может,
Сено косить она не умеет,
Не по силе скота себе пускает,
С голоду скот помирает.
Жаваронок воспеваает:
Слышит он теплое лето,
Чует он красную весну.
Рожь-то пойдет в стопку,
Скудное-бедное в иголку,

Рожь-то пойдет в колос,
Скудное-бедное в голос,
Пить и есть все захочут,
Взять-то им миленьким негде,
Украсть-воровать они не смеют,
Ответу держать не умеют.
Вам, господа, поздравляем
Всю мтицу на многая лета.

36

Трынды мои трындушки,
Любят девки прянички,
Молодушки — яблочки,
Стары бабы редечку.
Ты хозяин, ты хозяин, господин!
Прикажи-ка ты, хозяин, поскакать, поплясать;
Поскакать, поплясать, про все города сказать,
Про все низовые, перенизовые,
Уж как с Питера начать,

До Казани окончатъ.
Уж как в Питере Нева
Испромыла нам бока,
А на Ладоге-канале
Всем нам головы сломало.
Уж вы, братцы, господа,
Поедемте в города!
Кто поедет на Торжок,
Тот и сам скоро заржет;
Кто поедет на Валдай,
Тот и будет забулдай.
Уж как Кинешма и Решма
И кутит и мутит,
Уж как Согожка-горошица
Убыточки платить.
Сибирь-матка велика,
И просторна, широка;
Много птиц и зверей
И прочих людей,
Во реках рыбы довольно —
И ловить ее привольно —
Пушкам, ружьям стрельцов
И бурлаков-молодцов;
Бурлачонкам воли нет —
Им большой во всем запрет:
Запрещали судьи грозны,
Рассылали в места розны.
Уж как негде нам, молодцам, погулять,
Негде в волю увеселять.
Уж как сыщем таку радость,

Разгуляем скуку, младость!
Уж как Рыбна-городок —
Тут и пристань хороша;
Как Молога-слобода —
Тут голодна сторона;
Пошехонье-городок —
Тут хорошенький торжок —
Все на лапти на березовые;
Как Романов-городок —
Все на лук, да на чеснок,
А Ростов-то городок —
Воевода без порток;
А как город Кострома —
Тут гульлива сторона;
Уж как в Тихвине-то тихо —
Все косые паруса;
У Миколы Мологи
Все горбаты попадьи.
А на Устье попадья
Крашенину пропила;
Уж как Устьевско, Петровско
Скочок наголо,
А Толга на Волге —
Спас на реке.

37

Ах ты, батюшка, Ярославль город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь во всей красе,
Промеж двух рек, промеж быстрых,

Промеж Волги-реки, промеж Которосли.
С луговой было со сторонушки,
Протекала тут Волга-матушка.
С нагорной да со сторонушки
Протекала тут река Которосль.
Что с верху-то было Волги-матушки,
Что плывет, гребет легка лодочка.
Хорошо та была лодка изукрашена,
У нее нос-корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двенадцатеры веселочки.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По краям лодки — добры молодцы,
Посреди лодки — красна девица,
Есаулова родная сестра.
Она плачет, как река льется,
В возрыданьи слово молвила:
„Не хорош-то мне сон привиделся,
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя коса руса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть пойману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам головы срубят,
Красной девице в темнице быть“.

Ой, рябинушка, ой, кудрявая!
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Под тобою ли, под рябиною,
 Что не мак цветет, не трава растет,
 Не огонь горит, не вода кипит...
 Думу думает добрый молодец*):
 „Вы развейтесь, ветры буйные;
 Развернитесь, леса темные;
 Разгуляйтесь, злы разбойнички!
 Расступися-ко, мать сыра земля;
 Приоткройся-ко, гробова доска;
 Развернитесь, белы саваны.
 Ты встань, встань, моя милая,
 Разменяемся золотым кольцом“.

Уж ты, гуленька, ты, мой голубочек,**)
 Рассизенький ты мой воркуночек!
 Зачем, гуленька, в гости не летаешь?
 Или садику моего не знаешь,
 Или голосу моего не слышишь,
 Или громкий голос ветерком разносит,
 Сизы крылышки частым дождем мочит?
 Я не ласточкой по полю летала,

*) Поют и так: атаман вскричал громким голосом.

**) Кроме первого и последнего каждый стих повторяется.

Не касаточкой к земле припадала,—
Про любезного вестку услыхала:
Будто мой милый сидит во засаде,
Во засадушке — в губернском остроге.
Ни дверей в тюрьме нету, ни окошек,
Ни простых щелей нету, ни протесов;
Только есть одна труба дымовая,
Дымовая труба медна выводная.
Как из той трубы дымок потягает;
У любезного сердце занывает.

40

Вы скажите, мысли, про мое несчастье:
Долго ли мне жить в печали, в напасти?
Зла моя фортуна молодцу не служит,
Печальное мое сердце беспрестанно тужит,
Тоскует-горюет, все по прежней воле.
Как бы мне, молодчику, была прежняя воля,
Была бы прежняя воля, были б еще крылья,
Были б еще крылья, еще златы перья, —
Взвился бы высоко, улетел далеко...

Из деревни в Питер слышно
Про некрутский про набор.
Калина, калина, калина, малина,
Про некрутский про набор.
Нам родители писали,
Чтобы ехали домой.
Калина, калина, калина, малина,
Чтобы ехали домой.
Все три брата собрались,
Вдоль по Питеру прошли.
Калина, калина, калина, малина,
Вдоль по Питеру прошли.
Вдоль по Питеру прошли,
На почтовой двор зашли.
Калина, калина, калина, малина,
На почтовой двор зашли.
На почтовой двор на новой,—
Наняли тройку лошадей.
Калина, калина, калина, малина,
Наняли тройку лошадей.
Ямщику дали на водку,
Чтобы ехал поскорей.
Калина, калина, калина, малина,
Чтобы ехал поскорей.
Удалой ямщик, Ванюша,
Тронул троечку вожжей.
Калина, калина, калина, малина,
Тронул троечку вожжей.
Мчится троечка лихая

Со несчастным седокам.
Калина, калина, калина, малина,
Со несчастным седокам.
Со таким со несчастным —
Молодым некрутам.
Калина, калина, калина, малина,
Молодым некрутам.
Наша матушка-старушка
Калиточку отперла.
Калина, калина, калина, малина,
Калиточку отперла,
Калиточку отперла,
На местечке обмерла.
Калина, калина, калина, малина,
На местечке обмерла.

42

Как по Питеру гуляли,
Из Сената вести нам —
Про рекрутство, про набор, —
Нам родители писали,
Чтобы ехали домой.
А мы письма получили,
На почтовый двор пошли.
Нанимали тройку кòней,
Вороных лошадей.
Дадим кучеру на водку:
Шевели тройку вожжей
Со несчастным седоком...
Уж лесом-то едем,

На деревьях листья шумят,
Подъезжаем к чисту полю,
Все кусточки говорят:
„Наши едут погулять“.
Ближе к дому, нас
Папаша не увидел,
А родная-то сестра
На крылечке созывает;
Наша маменька родная
Во горнице заперта.
Уж мы долго не гостили:
Нас указом известили,
В город Мышкин отвезли.
Жеребьями нас дарили.
Как по первому разряду —
Отправляйтесь домой;
По второму — можно
Здесь остановить;
А по третьему разряду —
Всем на службу поступить.
Ваню милого забрили,
Все соседushки завыли,
И рубашечек нашили,
Полотенечком дарили.
Полотеничком утрись
И с соседям распрощусь.
Озябут у Вани ноги
Во козловых сапогах;
Озябут у Вани уши
Без русых без кудрей.

По Мологской-то дорожке
 Ехал Вася ямщикок.
 Он рекрутиков везет
 Прямо к Оловянову на двор,
 Во Мологу городок.
 Выпьем да закусим,
 Пойдем в трактир гулять,
 Прогуляем до утренней зари.
 Во десятом-то часу
 Поведут нас во прием;
 У нас ноженьки нейдут.
 Медна мера загремела,
 И приемщик закричал.
 „Погодите-ка, не брейте,
 Дайте к маменьке сходить —
 Она кудри русы уберет“.
 Кого бреют, кого мылят,
 Кого наголо стригут.
 Как остригли наконец,
 Так погнали, как волов,—
 Кого в Питер,
 Кого прямо на войну.

Что повадился Ванюша
 Часто за реку ходити,
 Ко Степановне Настасье?

Степановна Настасья
Долго в саду прогуляла,
Хмелю ярого щипала,
Бражку пьяную варила,
Всех гостей созывала,
По лавочкам рассажала,
Всех по лавкам, по скамейкам,
Сама села на диванчик,
Напротив дружка Ивана;
Стакан рому наливала —
Наливала, горевала,
Подносила, говорила:
— Уж ты выкушай, Ванюша,
Сладкой водочки стаканчик.
— Я не пью, не пью, Настасья:
На меня горе-несчастье —
Государево солдатство.
Я солдатства не боюсь:
Мал, под меру не гожусь,
В офицеры попадусь!
В офицеры не простые,
Во солдаты рядовые...
Вдруг саночки подкатились
Ко Ивану под окошко:
Взяли Ванюшку сковали,
В легки саночки сажали,
В Пошехонье отправляли;
Во прием Ваню вводили,
На круг Ваню становили,
Медну меру наложили.

Медна мера забренчала,
Приемщики закричали:
— Подай мыло, подай бритву,
Подай чисто полотенце,
С горя Ване утереться,
На Настасью наглядеться.

45

Вы подумайте, миряне,
Что кого отдать в солдаты. *)
Бедняка отдать — обидеть,
Богача отдать — прогневать.
Гуси серы пролетели,
Громким голосом кричали:
Вы отдай-ко-те, миряне,
Водовы сына, Ивана.
Что ты, Ванюшка, не весел,
Буйну голову повесил?
Черной шляпой принакрылся,
Горючмин слезьми залился.
Уж и ты день, ты мой денёчек,
День и лухмарный, невеселой.
Проходи, день, поскорее,
Настовай, ночка тёмная,
И сегодняшний день скука —
Со милым дружкой разлука,
Разлучает нас неволя,
Нас и неволя, неохота,
Чужа дальняя сторонка,

*) Каждая строчка повторяется два раза.

Питересская дорожка,
Московская широкая,
Как и по этой по дорожке
Сколько раз по ней ходила,
Горючи слезы ронила,
Во слезах письма писала,
Другу милому сылала.
Мои письма не доходят,
Слуги верны не доносят,
Слуги верные — злодеи,
Разлучить с милым хотели.
Нас и теперь не разлучат,
Когда да в гроб меня положат,
Гробовой доской закроют
И сырой землёй засыплют.
Заростай, моя могила,
Всё тыравою-муравою,
Ещё алыми цветами,
Зелеными лопухами.

46

Поехал во солдатушки-улань,
У вас лошади булань.
Солдатушки молодые,
Питер — Москву проходили —
Ко вдовушке заходили,
У вдовушки ночевать просились.
Вдовушка отвечала,
Ночевать их не пускала.
— Нас, солдатиков, немного:

Двести, все на конях,
А триста пешеходу.
Солдатики смеленьки,
Силою ворвались,
В избу все вобрались.
Сели все по лавкам, по скамейкам,
Большой гость всех повыше,
Всех повыше, под окошком.
— Вдовушка-вдовица,
Вдова, горька сиротица,
Давно ли, вдовушка, вдовеешь,
Давно ли, горькая, сиротеешь?
— Я вдовею двадцать с годом,
Сиротею ровно двадцать.
— Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже,
Сними, вдовушка, с меня шляпу,
В шляпе лежит полотенце.
Не твое ли, вдова, рукодельце?
Пошла детей будить:
— Вставайте, малы дети!
Что пришел ваш батя.
— Где же тому быть,
Чтоб притти нашему бате!

47

Спородила меня матушка на горя сына,
Долго тешила и нежила — в солдаты
берегла,

Вот пришло такое времячко,

Поставили на круг,
У меня взяли веселую тальяночку из рук,
Захлопали пожницам по моим русым
кудрам.

Погодите, судьи, брить, что я буду говорить,
Что я буду говорить, дайте по милую
сходить.

Моя милая придет, на коленочки падет,
На коленочки падет, русы кудри оберет,
Русы кудри оберет и в платочек завернет,
Родимой матушке снесет.

Родна матушка прими, на гостинце извини.
Родна матушка приняла, крепко к сердцу
прижала.

Родимая мать, не кормилец буду твой,
Я не пахарь полевой, не косец я луговой.

48

Измученный, истерзанный
Кровавою войной,
Шрапнелью весь израненный
Наш доблестный герой.
С одной рукой оторванной
Гранатой проклятой,
На палку опирается,
Идет бедняк домой.
Идет, а думы тяжкие
Роятся в голове:
Зачем я не убитый был
В кровавой стороне?

Зачем теперь калека я
Вернусь в отцовский дом?
Семья и так голодная,
Я лишний буду в ней.
Ах, мать-земля ты родная,
Раскройся предо мной!
Возьми калеку - молодца,
Соедини с собой!
А мать-земля немало уж
Слыхала слов таких
И многих уважила
Героев молодых.
А я, солдат измученный
И телом и душой,
Прочел проклятье в лагере,
Поплелся сам домой.
Навстречу мать родимая
С возлюбленной женой,
И деточки все милые
Бегут ко мне гурьбой.
Немного я одумался,
Детей к груди прижал
И с гордости и с радости
Бедняга зарыдал.

49

Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал.
Ко груди своей прожженной
Крест свой медный прижимал.

Кровь текла из свежей раны
На истоптанный песок;
Над ним вьется черный ворон,
Чуя лакомый кусок.
Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не добьешься,
Я солдат еще живой.
Ты слетай-ка, черный ворон,
К отцу, матери родной
И к жененке молодой;
Ты скажи моей жененке,
Что женился на другой:
Была свахой еловна шашка,
А засватал стальной штык.

50

Полоса ли моя, да полосонька,
Полоса ль моя да непаханая,
Не пахана, не боронена!
Заростай, моя полосонька,
Частым ельничком да березничком,
Еще горьким да осинничком!

Уж я по лесу хожу-брожу,
Во сыром бору я грибы беру;
Никто в лесе не аукнется.
Откликались пастушки-дружки,
Государевы да охотнички,
Моей матушке да помощнички.
Припаду-то я ко сырой земле,
Припаду-то я да послушаю.
Чу, заносит голос матушка:
— „Ты ау, ау, мое дитятко!
Не в лесу ли ты заблудилося,
Не в траве ли ты да запуталась,
Не в росе ли ты замочилась?“
— Ты, родима моя матушка!
Заблудилась я в чужой стороне,
Я запуталась в чужих людях,
Замочилась я в горючих слезах!
— „Ты, родимое мое дитятко,
Ты носи платье, да не складывай,
Ты терпи горе, да не сказывай!“
— Ты, родима моя матушка,
Понося платье, да сложить будет,
Потерпя горе, да сказать будет!

51

Отдают молодую
На чужую сторону —
Не за ровнюшку,
В большу семьюшку:
Свекор, да свекровь,

Да четыре деверя,
Три невестушки,
Три золовушки,
Да две тетушки.
Только в избу-то ведут —
Приговаривают,
Свекор-батенько говорит:
„К нам медведицу ведут“;
Свекровь-матка говорит:
„Людоедицу ведут“;
Деверья-то говорят:
„Растащи-домок ведут“;
А невестки говорят:
„К нам непряху ведут“;
А золовки говорят:
„К нам неткаха пришла“;
А две тетушки ворчат:
„Озорница пришла“.
Уж как я ли молода
Призадумалася,
Пригорюнилася,
Да с кручины заболела —
Шесть неделек пролежала,
На седьмую-то неделю
Я и выздоровела.
Стала я молодушка
Попивать, поедасть,
Поговаривать:
„Ой ты, свекрушко —
Родной батюшко:

Ведь медведицы —
В берлоге лежат.
Ой, свекровушка —
Родна матушка:
Людосдицы —
Во лесѣ живут.
Деверья-вы соколы —
Ваши жены таковы.
Вы невестушки,
Вы голубушки —
Вас не хуже спряду.
Вы золовушки-
Колотовушки,
Вам самим в люди итти.
Вы тетушки,
Вы сударушки,
Вам сидеть бы на печи,
Как собакам на цепи!..“

52

Подойду ли я,
Под нов город я подойду,
Прошибу ли я
Чоботѣм стену каменну,
Уведу ли я
У батюшка добра коня,
Подарю ли я
Лютому свекру-батюшку,
Чтобы до меня
Добры были бы и ласковы,

Не журили бы
Меня, младу, завсегда.
Подойду ли я,
Под нов город я подойду,
Прошибу ли я
Чоботом стену каменну,
Унесу ли я
У матушки лисью шубу,
Подарю ли я
Лютой своей свекровушке,
Чтобы до меня
Добры были и ласковы,
Не журили бы
Меня, младу, завсегда.
Подойду ли я,
Под нов город я подойду,
Прошибу ли я
Чоботом стену каменну,
Унесу ли я
У братца седелечко,
Подарю ли я
Лютому своему деверю,
Чтобы до меня
Добры были и ласковы,
Не журили бы меня,
Меня, младу, завсегда.
Подойду ли я,
Под нов город я подойду,
Прошибу ли я
Чоботом стену каменну,

Унесу ли я
У милой сестры прялочку,
Подарю ли я
Лихой своей золовухе,
Чтобы до меня
Добры были и ласковы,
Не журили бы
Меня, младу, завсегда. *)

53

Я сегодняшнюю ночку мало спала,
Я из горницы во горницу ходила,
Изо шкафчика графинчик вынимала,
Вынимала, вынимала, наливала,
Пей-ко, пей-ко, милый, не опейся,
На меня, на красну девку, не надейся!
У меня, у красной девки, много горя,
Много горя, много горя, гореванья:
Пропила ли меня матушка родная
За такого за невежу, за бахвала:
Во кабак идет невежа — скачет-пляшет,
С кабака идет невежа — кричит-вопит,
Кричит: женка молода! отпирай-ка ворота...

54

Голова болит,
Худо можетсся,
Ой-ли, ой лелю,
Худо можетсся.

*) Каждый стих повторяется два раза.

Худо можется,
Нездоровится, *)
Нездоровится,
Гулять хочется.
Я украдуся,
Нагуляюся,
Уворююся,
Нацелуюся...
Я приду к дружку,
Разгорюся:
Уж ты, милый мой,
Научи меня!
Научи меня,
Как домой притти,
Как домой притти,
Подъявитися!
— „Ах ты, глупая,
Неразумная!
Через улицу —
Серой уточкой,
Под воротенку
Ты — воробышком,
В часту лесенку —
Красной девицей,
Во высок терем —
Молодой женой!“
Мой высок терем
Растворен стоит;

*) После каждых двух строк — припев: ой-ли, ой-лею, с повторением второй половины стиха.

Мой немилый муж
За столом сидит,
Хлеб-соль кушает,
Гуся рушает.
— Бог вам на помочь,
Мой немилый муж,
Хлеба кушати,
Гуся рушати! —
Дубовы столы
Раздвигаются,
Мой немилый муж
Поднимается,
За шелкову плеть
Принимается.
Плетка свистнула —
Жена визгнула...
Тут жена мужу
Возмолилася,
В скоры ноженьки
Поклонилася:
— Ты прости, милой,
Чем прогневала,
Чем прогневала
Тебя, молодца!
Ой-ли, ой лелю,
Тебя, молодца!

Эко сердце, эко бедно, бедное мое! *)
 Ах, да полно, сердце, во мне ныти-изнывать!
 Знать, по век сердцу спокою не видать!
 С беспокойства стал я, мальчик, нездоров.
 Что болит - шумит буйна голова,
 Не глядят-то на свет веселые глаза,
 Днем не видят с неба солнечных лучей.
 Из лучей-лучей туманик выпадал,
 Из туманика частый ливень-дождь
 пошел.

Деревенька, ты, деревенька,
 Деревенька Пошехонка,
 Зачем сушишь каждый час?
 Не деревня парня сушит,
 Сушит Катенька душа.
 Нет на свете горя больше:
 Живу с Катенькой в раздор.
 Раздор людям не объявлю,
 У судьбы счастья спрошу:
 Ты, судьба моя милая,
 Сделай милость для меня!

*) Кроме первого и последнего каждый стих повторяется.

Ты не льсти, милый, словами,
 Не обманывай в глазах!
 Ты почувствуй, мой хороший,
 Как-то я тебя люблю,
 Сколько горестей терплю.
 Много горестей терпела
 И досад перенесла;
 Для тебя, дружок сердечный,
 Я от солнышка, от жару
 Лицо бело сберегла.

„За что Сашу люди любят?
 Я на свете никого.
 Я на свете на примете
 Влюбилася в одного.
 Влюбилася, вверилася,
 Я страдаю за него.
 Я страдаю и не знаю,
 За что мил меня забыл.
 Он забыть-то не забыл,
 Знать иную полюбил,
 А иная любезная
 Чем же лучше меня?
 Разве тем только лучше,
 Побелее на лицо,
 Побелее, порезвее, подогадливее.

Что вечер моя милая
Во беседе сидела,
Во беседе сидела,
Тонку пряжицу вила.
Пряжа вьется, сердце бьется,
Перемены в лице нет,
Перемены в лице нет,
Не глядела бы на свет“.

59

Все-то милые подружки,
Все попарно они гуляли.
Как одна я горька, разнесчастлива
Остаюсь сиротой.
Я осталась сиротой без милого дружка.
Сказал миленький: „не плачь, моя милая,
Я завтра еду, мальчик, в Питер,
А из Питера заеду во Москву.
В Москве я жить долго не буду:
Ворочусь скоро назад,
Ворочусь я с любушкой прощуся“.
Голубочка слетать я попрошу:
„Взвейся, взвейся, сизенький голубчик,
Под самые небеса.
На том месте, сизенький, спустися,
Где мой миленький живет“.
А живет-то мой милый дружок,
Он за Волгой живет за рекой.
Через эту ли быстрю через речку
Нету ходу, ни езды.

Только ходят, только тут и перевозят
Два суденца легоньки.
Как на этих на суденцах
Мой любезный друг погибал.
Что погинул мой дружок любезный
С накладным своим кудрям-волосам.
Что я пойду, млада, с горя на речку,
Сяду я на крутенький бережок,
Опущу я в речку белы руки
По самые свои по плеча.
Уж я вытащу свою любезного
За русые кудри-волоса.

60

Вы не дуйте ветерочки,
Не сдувайте с гор песочки,
Не мутите сине море.
Сине морюшко мутливо,
Бела рыба пугашлива —
Красна девица гуллива.
Ах ты день, ты мой денечек,
День лазоревый цветочек.
Проходи день поскорее.
Наставай ночька темнее.
Мне сегодняшний день скука:
Пришла с милым разлука.
Разлучает нас неволя,
Нас неволя-неохота,
Чужа дальняя сторонка,
Петербургская дорожка.

Много раз по ней бывала,
Сколько слез я проливала.
Я слезам письмо писала,
Я на почту отправляла,
Слугам верным отдавала.
Слуги верные — злодеи:
Разлучить с милым хотели.
Разе в те поры разлучат,
Когда я в живых не буду.
Во тесовый гроб положат,
Плотном белым накроют,
Гробовой доской наложат,
Во могилу-то поставят,
С гор песком желтым засыпют.
Заростет моя могила
Все травами-муравами
И лазоревым цветами.

61

Цвели в лужках цветики,
Цвели да поблекли; *)
Любил меня миленький,
Да спокинул,
Спокинул, душа моя,
Не надолго,
На малое времячко —
На часочек.

*) Кроме первого и последнего каждый стих повторяется.

Часик-от мне кажется
За денечек,
А денек-от кажется
За недельку,
Неделюшка кажется
За май месяц,
Май-от месяц кажется
За годочек,
А годок-от кажется
За пяточек.
Уехал душа моя
В городочек;
Со всем со товарищам
Распростился;
Со мной, красной девушкой,
Не простился.
А я за ним, девушка,
Не гонюся;
Гонится, мой миленький,
Он за мною,
За моей девичьей
Красотою.

62

Мой миленок-хорошенек *),
Душа-радость пригоженек,
Душа-радость пригоженек;
Крутым бережком идет,

*) Каждое двуступище, кроме первого и последнего, повторяется.

Крутым бережком идет,
Радость песенки поет,
Радость песенки поет,
В терем голос подает,
Чтобы слышала она,
Разлюбезная моя.
Рассуждала, говорила,
Разговаривала:
Как у моего милого
Есть русые волоса,
Есть русые, завитые,
По плечам кудри лежат,
Что по плечикам лежат,
Завиватися хотят.
Что завила-завила
Чужа дальняя сторона,
Чужа дальная сторонка,
Чужемужняя жена.
Уж вы, лузи мои, лузи,
Лузи зеленые!
Сердечные наши други,
Живая разлука.
Не боюсь злые муки,
Боюсь скорые разлуки;
Не боюсь я злых людей,
Боюсь бессовестных судей.
Злые люди говорят,
Любить дружка не велят.
Не слушаю никого,
Люблю дружка одного.

Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад-зеленый виноград!
Ты, раздушенька, молодчик,
Раскрасавец дорогой,
Раскрасавец-ярославец,
Мил, повысушил меня.
Лет семнадцати девочка
Полюбила молодца;
Полюбивши расхорошего,
Начала в гости ходить.
Все соседи увидали
И подружки говорят;
Задумевшая подружка
Во глаза стала стыдить:
„Как не стыдно тебе, девочка,
К молодцу в гости ходить!“
А девочке стыдно стало,
Стала плакать, горевать,
А милѹму жалко стало,—
Стал девочку унимать:
„Ты не плачь, не плачь, милая,
Не плачь, душенька моя!
Приведет судьба жениться,
Буду свататься к тебе:
Зашлю свата — родна брата,
Возьму замуж за себя“.
— „Где же, где же тому статься,
Тебе замуж меня взять!

Ты, ведь, беден — я богата,
Меня тятенька не отдаст!“
„Ты богата, да негодна, —
Никто замуж не возьмет!
А я — беден, — да красавец.
Любая девушка пойдет!“

64

Текут речки, текут быстры
Во темные во леса.
Во лесу красы не станет,
С древ листочки опадут,
Опадут-то с древ листочки,
Нас с любезным разведут.
Разведут с дружкой любезным, —
Не видаться никогда,
Не видаться, не встречаться
Ни в которых городах;
Разве свидеться с любезным
По холодной по зиме,
По холодной, по студеной,
У соседа в вечеру...
У соседа во беседе
Злой, догадливый народ:
Примечают и глядят,
Во глаза дружкой корят.
Хоть корите, хоть браните,
Ни на что не погляжу:
Любить стану, не отстану
До замужья своего,

До замужья, вора-мужа,
До проклятого житья!
Распроклято житье бабье:
Нету воли ни на час!

65

Нигде милого не вижу —
Ни в деревне, ни в Москве.
Только вижу я милого
В темной ночи, в сладком сне.
Пробужусь, взгляну на стенку —
Вижу милого портрет.
Портрет на стеночке висит,
На меня милый глядит.
Я давным давно забыла,
Что малютка на руках.
Отнесу малютку в люльку,
Сама выйду на крыльцо.
Выхожу я на крылечко,
Вижу милый мой идет,
Бросилась к нему на шею,
Назвала его: „дружок“.
— Не зови меня дружочком,
Я теперь уж стал не твой,
Я теперь уж стал не твой,
Я женился на другой,
Я женился, переменялся,
Не по праву женку взял.
Не во правность, не по мысли,
Не по сердцу своему.

Только буду, только стану
Свою прежнюю любить.

.

66

Ноченька проходит,
День-то наступает,
Милый в путь-дороге —
Милый наезжает.

Лелю, лелю, лелю!
Я, млада-младенька,
На ножку крутенька,
С кровати вставала,
Милого встречала.

Лелю, лелю, лелю!
Про его здоровьеце, —
Про все расспросила,
Про свое несчастьеце
Ему рассказала.

Лелю, лелю, лелю!
„Куда, милый, едешь,
Куда проезжаешь?
Почто молоденьку
Меня покидаешь?“

Лелю, лелю, лелю!
— Еду, отъезжаю,
В Питер городочек —
В Питер городочек,
На целый годочек.

Лелю, лелю, лелю!

„Пиши, милый, письма,
Пиши поскорее,
Ты будешь писать,
Я буду читать“.
Лелю, лелю, лелю!

67

Что не ягода лесная
Спела, зрела и красна, —
Одна княгиня молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Кудреватый, холостой,
Ваня ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню
Не батистом, кумачом,
Подарил Ваня княгине
С руки перстень золотой.

Князь дознался, догадался,
Не давал жену в позор.
— „Вы слуги мои, холопы,
Слуги верные мои!
Вы подите приведите
Ваню ключника ко мне!“
Что ведут, ведут Ванюшу,
Ветерочком кудри вьет.
Князь спрашивал княгини:
— „Что такое у тебя?“
А потом спросил Ванюшу:
— „Сколько лет знаком с женой?“
— Не скажу я вам всей правды,
Всей я правды не скажу,
Про то ведают подушки
Да пуховая постель.
— „Ты скажи, скажи, Ванюша,
Чем ты даривал ее?“
— Я ничем ее не дарил,
Только делал по ее.
— „Вы, слуги мои, холопы,
Слуги верные мои!
Вы сходите в чисто поле,
Вы там вроете столбы,
Вы повесьте там Ванюшу
На шелковом поясу!
Пусть завянет там Ванюша,
Как травинка на меже,
Пусть княгиня помирает
Во светлице на ноже!“

За грибами в лес девицы
Гурьбой собрались,
Как взошли и врассыпную
Они разбрелись.
Они грибов не собирают,
Только мнут траву.
И по лесу раздается
Весело: ау!
Вот одна из них девчонка,
Притаясь, стоит.
Она грибов не собирает
И цветы не рвет.
Об одном она мечтает:
Долго мил не идет.
Вдруг в кустах раздался шорох,
Бедная дрожит —
Перед ней красивой мальчик,
Притаясь, стоит.
— Что ты ждешь, моя родная?
Мальчик ей сказал
И привлек ее в объятья,
Крепко целовал.
— Милый барин, милый барин,
Меня не губи,
А другую, городскую
Лучше полюби.
Все меня в деревне знают,
Замуж не возьмут,

А семью мою родную
Со света сживут.
— Нет, тебя я не забуду,
Милая моя,
Как приеду и женюсь,
И возьму тебя.
— Милый барин, милый барин,
Как же ты не врешь,
Меня, бедную крестьянку,
За себя возьмешь?
— Вот тебе мое заклятье,—
Мальчик ей сказал:
Пояс шелковой и перстень
Снял с руки, отдал.
На пригорки, в чаще леса,
Где ручей бежит,
А над этим ручеечком
Береза стоит.
А на этой на березе
Девушка висит.
Пояс шелковой бедняжке
Шею затянул,
Перстень милым дареный
На руке блеснул.

Не летай, соловей, *)
 По долине,
 Ты не вей гнезда
 При осине!
 А ты своей гнездо
 При тереме!
 В этом новом теремочке
 Девушка сидела;
 Девка шила ковер,
 Вышивала;
 Шивучи, красна девица
 Речь говорила:
 Уж кому-то мой ковер
 Достанется?
 Доставался ковер
 Старому мужу,
 Стару мужу негодяю,
 Негодяю!
 Я могу этот ковер
 Поубавить:
 Со всех со сторон
 По узору,
 Что по шитому узору —
 Шелковому!
 Доставался ковер
 Младому мужу!

*) Каждый стих повторяется.

Я могу этот ковер поприбавить:
Со всех со сторон —
По узору,
Что по шитому узору
Шелковому!

70

Невеличка птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
Синее море перелетывала;
Как садилася пташечка
Среди моря на камушке;
Она слушала-выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица плакала,
За старого мужа идучи:
„Уж ты, стар, ты, мой старой муж,
Уж ты, стар — погубитель мой:
Погубил мою голову, —
Всю девичью красоту!“
Невеличка птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
Синее море перелетывала;
Как садилася пташечка
Среди моря на камушке;
Она слушала-выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица радовалась,
За младого мужа идучи:

Верно, миленький, есть иная
у тебя,
Верно, миленький, получше меня.
Поглядите, добры люди, на меня:
Чем я, млада, уродилася дурна?
Из бела лица — белешенька,
С очей ясных — веселешенька...
Пойду к милому скорешенько,
Трону, жизнь, его легохонько.
Загану дружку загадочку...
Как не для чего огороды городить,
Как не для чего капустку садить!
Мы охочи в лес по ягоды ходить,
В темном лесе приаукнуться.
Никто в лесе не аукнется,
Никто в темном не откликнется.
Откликнулся один миленький
дружок
Через темненький зелененький
садок.

72

Одинока, одинока,
Одиночество мое:
Затопила я избушку,
Сама по воду пошла,
Я на Неву на реку,
По холодную воду.
Перелетовы дрова...
Пусты кашнички, горшечки

Надселись кипучи;
А роженое дитя
Надорвалось крича.
Одна курочка по лавочке
Похаживает, поговаривает:
Раскутах-тах-тах,
Не бывало у нас так!
Что куда наша хозяйшкa гулять пошла?
Пошла наша хозяйшкa во три поля
гулять:

Первое поле — яровое,
А второе-то ржаное;
В третьем поле конопель,
В конопели воробей.
Конопель трещит,
Воробей пищит,
Сто рублей тащит.

73

Во двух польцах,
Во двух польцах яблонца,
Под яблонцей,
Под яблонцей грушица,
Под грушицей,
Под грушицей светлица,
По светлице,
По светлице девица.
Рвала цветы,
Рвала цветы, с васильёну,
Сама себе,

Сама себе говорила:
Кому мой венок,
Кому мой венок достанется?
Достался венок,
Достался венок старому.
Я старого,
Я старого уважу,
Постелюшку постелю
Я в три ряда,
Я в три ряда каменья,
А в четвертый ряд
Шипучу колючего;
Я взголовье
Колоду дубовую,
Одену его
Крапивой жгучею,
Я разбужу
Дубинною вязовою. *)

.
.

Достался вьюн,
Достался вьюн молодому.
Я молодого,
Я молодого уложу,
Постелюшку,
Постелюшку постелю:
Я в три ряда,
Я в три ряда войлочка,

*) Поется с начала до слов „достался венок“.

В четвертый ряд
Перину пуховую;
Я взголовье —
Подушку парчевую;
Одену его,
Одену шубой новою;
Я разбужу
Своим ласковым словом.

74

Пошел козел в огород,
Всю капусту приломал, *)
Всю вилую прищипал.
Сведу козла на базар,
Променяю на товар;
Я куплю себе белил,
Накуплю себе сурмил;
Набелюся я бело,
Нарумянюсь ало,
Нарумянюсь ало,
Подведу я бровь черно.
На ту пору муж домой,
Говорит речи со мной:
— „Отчего, жена, бела?“
— Муку, сударь, сеяла.
— „Отчего, жена, ала?“

*) После каждых двух стихов припев: „Танде в дудки, танде в рог, танде в тонкий голосок“.

— Против пыли стояла.
— „Отчего, жена, бровь черна?“
— Трубу, сударь, кутала.
— „Жена, где белый козел?“
— Козел по воду пошел,
Сломил себе голову
По самую бороду.

75

По белой по пороше
Трой саночки катят;
Не шумят, не гудят,
Одни копытцы говорят.
Подъезжали эти санки
К Акулинину двору...
— Акулина, это что?
Что за коник на дворе?
— „А тебе, сударь, на что?
У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь.
На базар, сударь, ходила,
Ворона коня купила“.
— Акулина, это что?
Что за шапка с кушаком?
— „У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь.“
— Акулина, это что?
Что за плетка на стене?
— „А тебе, сударь, на что?“

У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь."
— Акулина, это что?
Что за молодец лежит!
— „Шла я по тропинке,
Нашла я сиротинку.
Не грех сироту накормить-напоить,
С собой спать положить.“

76

— Где ты был, зайныка,
Где побывал, серенький?
— В огороде, парень мой,
В огороде, душа мой!
— Что же ты делал, зайныка,
Что же ты делал, серенький?
— Я капустки поламал,
Я вилые пощипал.
— Не били ль тебя, зайныка,
Не били ль тебя, серенький?
— Били, били, парень мой,
Били, били, душа мой!
— Чем тебя били, зайныка,
Чем тебя били, серенький?
— По бокам кулакам,
По загривку рукавам.
— Не плакал ли ты, зайныка,
Не плакал ли ты, серенький?
— Плакал, плакал, парень мой,

Плакал, плакал, душа мой!
— Как же ты плакал, зайныка,
Как же ты плакал, серенький?
— Кау-кау, парень мой,
Кау-кау, душа мой!
— Ты бы ушел, зайныка,
Ты бы убег, серенький!
— Я уйти не ушел,
Убежать не убежал.
— Ты бы в капустку, зайныка,
Ты бы в бороздку, серенький!
— А капуста низка,
А бороздка мелка.
— Ты бы на елку, зайныка,
Ты бы под елку, серенький!
— А на елке иголки:
Я боюсь уколки.
— Ты бы в поле, зайныка,
Ты бы в лесик, серенький!
— Чисто поле широко,
Темный лесик далеко.
— Ты бы под кустик, зайныка,
Ты бы под кустик, серенький!
— Мелкий кустик редковат,
А я, зая, беловат.
— Ты бы на речку, зайныка,
Ты бы под мостик, серенький!
— В речке мостик плоховат,
А я, зая, вертоват.
— Ты бы в деревню, зайныка,

Ты бы в деревню, серенький!
— А в деревне народ;
Меня, зайньку, убьет!

77

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Я, сеявши, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!

Лен мой, лен,
Белый лен,
При горе-горе,
При крутой,
При зеленой,
Стоял лен,
Белый лен.

Теребила, теребила я ленок,
Теребивши, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д. *)

*) Повторяются последние две строчки первого куплета и припев.

Я мочила, мочила ленок,
Я, мочивши, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Уж я пряла, я пряла ленок,
Я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Я мотала, мотала ленок,
Я мотала, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Уж я ткала, я ткала ленок,
Уж я ткала, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Я белила, белила ленок,
Я белила, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Я кроила, кроила ленок,
Я кроила, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.
Уж я шила, я шила ленок,
Уж я шила, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.

Я носила, носила ленок,
Я носила, приговаривала,
Чеботами приколачивала... и т. д.

78

Уж ты, пряха ли, копылица моя,
Пойду вынесу на улицу тебя.
Я пряха да подергивала,
Из беседы вон побегивала.
В огороде белый лен не улежал,
Не по той дорожке милый убежал.
Убежал так не воротится,
Белый лен не околотится.
Белый лен, белы ниточки —
Не стоит ли у калиточки?
У калитки перезяб, передрог,
У любезной он достукаться не мог.

79

— „Куманечек, побывай у меня,
Животочек, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня“.
— „Я бы рад, кума, побыл у тебя,
Побывал-бывал-бывал у тебя,
У тебя, кума, собачка лиха,
Ой лиха, лиха, лиха, лиха, лиха, лиха“.
— „Я сама-ли тому горю помогу,
Помогу-могу-могу-могу-могу.
Я собачку на цепочку привяжу,
Привяжу-вяжу-вяжу-вяжу-вяжу.“

Куманечка к себе в гости позову,
Животочка к себе в гости позову.

Позову-зову-зову-зову-зову-зову,

Куманечек, побывай у меня,

Животочек, побывай у меня“,

Побывай-бывай-бывай у меня“.

— „Я бы рад и, кума, побыл у тебя,

Побывал-бывал-бывал у тебя.

У тебя, кума, ворота скрипучи,

Скрипучи-пучи-пучи-пучи-пучи“.

— „Я сама-ли тому горю помогу,

Под ворота кусок сала положу,

Положу-ложу-ложу-ложу-ложу-ложу.

Куманечка к себе в гости позову,

Животочка к себе в гости позову,

Позову-зову-зову-зову-зову-зову.

Куманечек, побывай у меня,

Животочек, побывай у меня,

Побывай-бывай-бывай у меня“.

— „Я бы рад и, кума, побыл у тебя,

Побывал-бывал-бывал у тебя.

У тебя, кума, старушка лиха,

Что лиха-лиха-лиха-лиха, ругается“.

— „Я сама ли тому горю помогу,

Помогу-могу-могу-могу-могу-могу.

Я старушке да косушечку куплю,

Что куплю-куплю-куплю-куплю-

куплю.

Я старушку да до-пьяна напою,

Напою-пою-пою-пою-пою.

Куманечка к себе в гости позову,
Животочка к себе в гости позову,
Позову-зову-зову-зову-зову-зову. *)

80

Была Дунюшка шутлива,
Ивановна баловлива,
На рынок гулять ходила,
Чулки с башмачком купила.
За чулочки рупь дала,
За башмачки полтора;
За все мелкие приборы
Полпяти рубли дала.
Ножки в ряд, ножки в ряд,
Туфли к милому, глядят,
Туфли к милому глядят,
Улететь они хотят.
Улетай, голубок,
Улетай, сизой мой,
Сизой мой, молодой!
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
Не дорогой — стороной,
Не дорогой — стороной,
Возле лесу тропинкой,
До горенки до новдой,

*) Каждая строчка, кроме: „Куманечек, побывай у меня, животочек, побывай у меня, куманечка к себе в гости позову, животочка к себе в гости позову“ — повторяется по два раза).

До кровати тесовой,
До кровати тесовой,
До перины пуховой.
На перине — Катерина,
Перед ней стоит детина,
Перед ней стоит детина,
Иванушка сиротина.
Ваня-бас-перебас,
Уговаривать горазд,
Уговаривал Дуняшу
Одну ночку ночевать:
„Ночуй-ночуй, Дунюшка,
Погости, голубушка,
Подарю Дуню сережечкам,
Серебряным,
А другим — золотым,
С подвесочками,
С алыми ленточками,
С прозументочками.
Алы ленточки горят,
Прозументы говорят“.

Колыбельные песни

81

А, баю, баю, баю,
Не ложися на краю,
Ложись на середочке
В шелковой пеленочке.
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок,
Под зелененький кусток.

82

А, баю, баю, баю,
Я у зыбочки стою.
Я у зыбочки стою,
Ванечку баюкаю.
Баю, баю, баю, бай,
Поскорее засыпай.

83

А, люли, люли, люли,
Котик серенький усни,
Котик беленький,
Хвостик черненький.

84

А, качу, качу, качу,
По дорожке прокачу,
Вдоль деревни, вдоль лужка
Я малюточку-дружка.

85

А, качи, качи, качи,
 Прилетели к нам грачи,
 Прилетели две тетери,
 Наклевались, улетели.

86

А, качу, качу, качу,
 Я в охапочку схвачу,
 Я в охапочку схвачу,
 В темный лесик укачу,
 Уж я в темненький лесок
 Под зелененький кусток.

87

А, люли, люли, люли,
 На дороге две гули,
 На тропочке гуси,
 Ты, малюточка, усни.

88

Ты усни, усни, усни,
 Угомон тебя возьми.
 Уж как сон-от упокой,
 Глазки светлые закрой.

89

А-а, бай, бай, бай,
 Поди, бука, на тот край,
 Поди, бука-нахлобука,
 А Ванюшу не замай.

90

Уж ты, Ванечка-дружок,
Не бегай-ка на лужок,
Там волки живут,
Тебе ножки отжуют.

91

Спи, Ваня, до вечера,
Делать тебе нечего.
Придет вечер, разбужу,
По скотинку снаряжу.

92

Спи, Ваня, до вечера,
Пока делать нечего.
Придет времечко-пора,
Разбужу тебя сама.
Скажу: Ванечка, вставай,
По коровушку ступай.
Вот коровушка идет,
За ней Ванечка бредет.

93

А-а, тпру, тпру, тпру,
Не вари кашу круту,
Вари жиденькую,
Да молоденькую.

94

А, дуду, дуду, дуду,
Потерял мужик дугу.

Уж он шарил, не нашел,
Сам заплакал и пошел
К бабушке Ульяне,
Голове кудрявой.

95

Бабушка Ульяна,
Голова кудрява,
Давай полотенце
Покрыть маладенца.
Маладенец плачет,
Курка кудахчет.

96

Курка-хохлушка,
Сядь на горнушку,
А, клюнь блинка,
Помяни Фролка.
У Фролова двора
Конопельку брала.
Конопелька скрип, скрип,
Мой Ванюша спит, спит.

97

А-а, кач, кач, кач,
На березе сидит грач,
Говорит: Ваня, не плачь,
Я куплю тебе калач,
Я куплю тебе калач
Ни холоден, ни горяч.

98

А, качи, качи, качи,
Под подушкой калачи,
В ручках прянички,
В ножках яблочки.

99

А, качиньки, качиньки,
На березе грачики.
На березе грачики,
Продают калачики.

100

Баю, баю, баюшок,
Под окошком петушок.
Он воркует и поет,
Ване спать не дает.
Усни, Ваня, успокойсь,
Никого, милый, не бойсь.

101

А, баю, баю, баю,
Живет котик на краю.
Попьет, пообедает,
Ванечку проводит.

102

А-а, бай, бай, бай,
Поскорее засыпай,
Поскорее засыпай,
Добрым людям покой дай.

103

А-а, бай, бай, бай,
Поди, котик, погуляй,
Поди, котик — черный ротик,
Да опять к нам побывай.

104

А, баю, баю, баю,
Все пошли за рыбою,
А мы с Ваней с кошельем,
Всех поболе наберем.

105

А, баю, баю, баю,
Не ругаю, не браню,
Спать укладыву, хвалю,
Убаюкиваю.

106

А-а, бай, бай, бай,
Не ложись, Ваня, на край.
Ты с краешка упадешь,
Всю головку расшибешь.

107

А, баю, баю, баю,
Все пошли за рыбою,
А мы с Ванечкой остались,
В люлю баньки уклались.

108

А, качи, качи, качель,
Не проси ты калачей.
Калачики — московские,
Булочки — ростовские,
Они жгутся, палятся,
Под лавочку валяются.

109

Укладу я Ваню спать
На тесовую кровать.
Постелюшка перяна,
Подушечка пухова,
Одеяла браные,
Занавески тканые,
Покрывалов двадцать пять,
Ваня крепче будет спать.

110

А, баю, баю, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу мазану едят.

111

А, баиньки, баиньки,
Две курочки рябеньки,

А третий-то петушок
Залетел на катышок.

112

Спи, Ваня, подольше,
Вырастешь побольше.
Уж как вырастешь побольше,
В лес по ягоды пойдешь,
В лес по ягоды пойдешь,
Много ягод наберешь.

113

Как на серого кота
Нападала дремота.
Уснул котик маленький.
Спи, Ванюша, баиньки.

114

А, люли, люли, люли,
Солетались гули.
Садилися гули
На Ваниной люле.
Сели гули возле люли,
Стали гули гулевать,
Стали гули гулевать,
А мой Ванечка дремать.

115

А, качу, качу, качу,
Полна люлька кумачу,

Я кумаченьку сошью,
Да гулять тебя пошлю.
Не один пойдешь гулять,
С ребяташками играть,
Не с большими, с малыми,
С пятигодовалыми.

П Е С Н И Р А Б О Ч И Х

116

Близко, близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близ зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Недалече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе-красоте,
На высокой на горе,
На высокой на горе
Стоял фабричек большой.
Во том фабричке ребята —
Удалые молодцы,
Удалые молодые,
Не женаты, холостые.

Собирались ребята
С того фабрика гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садилися по краю,
Близ зеленого сада,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Садилися, песни пели,
Соловьям свистать велели:
„Соловьишки, свищи!
Разгуляться к вам пришли!“
Соловьишки свистали,
Молодцов всех утешали.
Как у нас было, ребята,
В Ярославле городе,
В Ярославле городе
Во Толчковой слободе.
У солдатки у вдовы,
У солдатки у вдовы,
Были девки хороши,
Был Васильюшка сынок,
Ковры ткать мастеров;
Ковры точет — вытыкает
И наборы набирает;
Он горазд письма писать,
Горазд грамотки читать.
При компанье пребывает,
Сам во скрипочку играет,
Заиграли на скрипиче

Для души красной девицы,
Для школьня, манерня,
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Паше мать,
Уговаривал и брат:
„Полно, Пашенька, уймись,
С молодцами не водись!
Доведут тебя ребята
До славушки до худой!“
— „Хоть худой славы добиться,
А со всеми поводиться!“

117

Фабричные ребята —
Малые, удалые,
Много мудреные,
Кудри пудреные,
Важно убранные.
На ногах — сапоги,
Во руках у их — платки;
Они ткут платки, салфетки,
На разные клетки;
Они сукна ткуть —
На двенадцать штук,
Они ткали, спотыкали,
Все карманы порывали;
Золотые, с мелочам —
Не дают спать по ночам;
Во кармашке брячат,

В кабачок итти велят.
Мы подходим к кабаку —
Целовальник на боку:
Целовальника по уху —
Не люби нашу Катюху.

118

Девки строили палаты,
На все стороны покаты.
У стола была, стола
Стоят трое мастёра.
Подмастерья с мастёрами
Тонки планы составляли,
Полотенцы вышивали,
Полотенцы шиты-браны,
Челночки сердечками,
Девки новы костяные
По пруточке золотые.
У вдовушки, у вдовы
Три дочки хороши.
Одна девушка беленька,
Всем молодчикам миленька.
Я во Питере жила,
Три науки поняла.
Уж я первую науку —
Я поймала сокола,
А вторую-то науку —
Полюбила молодца,
А третью-то науку —

Раззорила до конца.
Раззорился парень бедный,
Купил перстень деве медный,
Раззорился под конец:
Купил деве шесть колец:
Два витые, два литые,
Два червонно-золотые,
А седьмое-то колечко
Позолоченное.

119

Я московский был прядильщик,
Я по фабричкам жывал —
Не последний был набойщик,
Разны ситцы набивал.
Получал денег не мало,
Сот я восемь рублей в год,
И того мне нехватало —
Двадцати пяти в оброк.
Без оброку деньги нужны, —
Я имел в своих руках
В белом фартучке красотку
И сафьяных башмачках.
Каждый праздник душегрейка,
Сарафанчик с галуном,
Тут последняя копейка
Вылетала кверху орлом.
Отец с матерью ругали:
Сукин сын, бездельник,

Куда денежки девал?
Глядь, товарищи приносят,
Двести сорок на расход.
Шестьдесят рублей относят
В казначейство и в оброк.
Заберемся к ней в избушку,
Таку сделаем пирушку,
Только дым столбом пойдет.

120

Лето красное проходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеёт;
На машине задержал —
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу, матери отослал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,

Фабриканта все бранят:
Ах, построил ты завод,
Перепортил весь народ.
Перепортил весь народ,
Перепортил, перегадил,
Никто замуж не берет.

121

Я с хозяином расчелся,
Ничего мне не пришлось.
Из конторы я поплелся,
Кулаком слезы утер.
Всю дороженьку проехал,
Об расчете тосковал,
Куда денежки девал,
Куда рублик, куда два,
Куда три с полтиной.
Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай ты кислых щей,
Поноси худых лаптей.

122

У Корзинкина во ткацкой
Дух поповский да кулацкий.
Здесь рабочий словно нищий:
Без квартиры и без пищи,
Миллионы барышей
Создают для торгашей.

Десяти лет от рожденья
Я работать поступил;
Фабриканту-кровососу
Пятьдесят лет я прослужил...
Ночка темная настала,
Бьет одиннадцать часов,
Меня матушка будила,
Чтоб к работе был готов.
„Ваня, Ваня, Ванька, слышишь,
Что ты, олух, не встаешь?
Встань, умойся, возьми хлеба
И работать ты пойдешь...“
Детский сон мой оборвался.
Мать с постели подняла
И лицо водой холодной
Мне, ребенку, облила.
Причесала и обула,
Кусок хлеба подала,
До ворот фабричных главных
Меня за руку вела.
„Ну, поди, Ванюша, с богом
Да старайся работать,
Старших слушай, подчиняйся,
Что прикажут — исполняй.“
Моя должность — быть за рамой
И катушки здесь вставлять,
Подать клейстер для подклейки,
Пол почище подметать...

Три часа так покружился,
Шум и звон в моих ушах,
Задрожали руки, ноги,
Помутилось в глазах.
Тут беда со мной случилась —
У машины я упал,
Растянулся, клейстер пролил...
А подрядчик увидал,
Он за это рассердился,
Трепку за волосы дал...
Поуправившись с делами,
Стал я голод ощущать,
Взял из сумки кусок хлеба,
С аппетитом стал жевать...
Торопился, поперхнулся
(Кусок хлеба был сухой),
Тут я вспомнил — на окошке,
Что стоит ведро с водой.
Я к ведру, а там и ковшик,
Мигом черпаю воды.
Здесь я с детской простотою
Никакой не ждал беды.
Но беда висела тучей
Над моею головой —
По проходу чинно, важно,
Шел сюда, ко мне, дневной.
„Эй, щенок, да как ты смеешь
От машины уходить,
У ведра стоять часами,
Чтобы время проводить!“

Вынул книжку из кармана,
В ней мой номер записал,
По затылку меня двинул,
Да и штраф он записал...
В десять лет пришлось малютке
Вот, что было, испытать:
По двенадцать часов в сутки
Нужно было работать.
Воскресенье... Передышка...
Утро — шесть часов.
В это время была чистка
Всех машин, станков.
Три часа трудились, терли,
Градом пот с нас льет,
Скоро ль мастер-англичанин
Осмотреть придет?

124

Товарищи, надо помянуть,
 непреренно помянуть надо:
Директора Грязнова,
О себе много мнящего
И в нужды наши не входящего;
Никифорова брюхатого,
Муравьева плутоватого
И хромого Бабаева.
Надо помянуть, товарищи,
 нельзя не помянуть:
Помощника управляющего
 Соколова,

Бухгалтера Швырева
И грызлу Лихачева.
Надо помянуть, товарищи, как
хотите, надо помянуть:
Двух братьев Брычевых
И лабазника Курочкина.
Надо помянуть и тех, которые,
например, между прочим:
Русанова, Суханова, Пальшау,
Рогачева с Шониным
Да Фетисова с доносчиком
Глушковым,
И всех наших угнетателей
Помяни, господи, во царствии
твоем.

125

По реченьке быстрой
Становой едет пристав.
Ой, горюшко-горе,
Становой едет пристав!
За ним письмоводитель,
Всеим известный грабитель.
Урядника рожа
За ним едет тоже.
Становому на ужин
Провиант свежий нужен.
Бабуха Марюха,
Мякинное брюхо,

По двору ходит,
Станового ругает.
Станового ругает,
Урядника проклинает.
Становому на ужин
Провиант свежий нужен.
Ведь курицы мало,
Барана-то жалко.
Становому мяснина,
Народу мякина.
Ой, горюшко-горе,
Народу мякина!

126

В Ярославле в пятом годе
Шли рабочие на бой.
Черной сотней руководил
Касауров, врач глазной.
На рабочих он в обиде:
Революция — гроза...
Кто врагов своих не видит,
Пули вылечат глаза.

127

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бед и наших зол:
Виноват во всем гербовый
Двуязычный, двухголовый
Всероссийский наш орел...

Нагайка, ты, нагайка,
 Тобою лишь одной
 Романовская шайка
 Сильна в стране родной!
 На жалобы, на стоны
 Голодных русских масс
 Один ответ от трона —
 Лупить нагайкой нас.
 Царит нагайка всюду,
 Сильна в стране родной,
 Но ей царя-Иуду
 Спасти не суждено.
 Нагайкой не убита
 Живая мысль у нас:
 Пойдем вперед упорно
 Под знаменем труда!

129

Славься, славься, царь Николай,
 Чортом нам данный, царь-государь,
 Палач беспощадный, потонешь в крови,
 Романовского рода тебе не спасти.
 Погибнут, как черви, романовцы все,
 И вместе придется погибнуть тебе.
 Многих в сырых ты тюрьмах сгноил,
 Многих несчастных без хлеба сморил,
 Ты многих повесил, других расстрелял,
 Того, кто за правду так крепко стоял.

Стреляй, солдат, в кого велят,
Убей отца, родного брата,
Убей жену, убей детей,
Лишь помни памятку солдата:
Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать прикажут,
По чарке водки вам дадут,
И этим совесть вашу губят.
В далекий край вас повезут,
На родине ведь не оставят.
Ружье, мундир вам выдадут,
Машиной быть заставят.
Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
„Бог вашу службу не забудет.“
Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как буйным бунтарям,
Штыки и пули преподносят!
Стреляй, солдат,
Колн штыком,
Кусай зубами,
Бей прикладом,
Но, убивая, не забудь,
Что убиваешь родного брата.

Ч А С Т У Ш К И

131

1

Поиграй, моя гармонья,
Пока не разбитая;
Погуляй, моя головка,
Пока не забритая.

2

Пускай на брата остаются
Все луга косой косить,
Мне молоденькому мальчику —
Винтовочку носить.

3

Ну, пускай поспит, понежится
Сударушка моя,

Отдадут меня в солдаты,
Примет горя без меня.

4

От Солигалича дорожка,
Что фонарики горят,
У желаннейших рекрутчиков
Сердеченьки болят.

5

К быстрой речке подходила,
Говорила я волнам:
Расступитесь, пораздайтесь,
Все равно разлука нам.

6

Неужели нас забреют,
Неужели заберут,
Шинель серую наденут
И в казарму поведут?

7

Отдадут в солдатушки,
Не к родимой матушке,
На ученье будут бить,
Придется мальчику служить.

8

Как поженят нас голубчиков
Во нынешнем году,

Как дадут нам по невесте —
По казенному ружью.

9

Нас забреют и сдадут,
Шинель серую дадут,
И погонят в тот конец,
Как и серых овец.

10

Погуляем, братец Саша,
Знать судьба такая наша.
Погуляем, да попьем,
Потом в солдатушки пойдем.

11

Нам недолго остается
По деревенькам гулять:
Скоро, скоро доведется
И в солдатах побывать.

12

Уж ты, батюшко родной,
Куда едем мы с тобой?
— Ах, мы едем к тому дому,
Ко проклятому приему.

13

Не вино меня качает,
Меня горюшко берет:

Тятка пару запрягает,
Во солдатушки везет.

14

У приема становился,
На все стороны молился:
Прощай, горы, прощай, селы,
Прощай, жизнь моя весела,
Прощай, город Кострома,
Прощай, сударушка моя.

15

Некрута, вы, некрута,
Засучите рукава,
Засучите рукава,
Да тащите жеребья;
Тебе первой, мне второй,
Я мальчишка лобовой.

16

Как поставили на круг,
Стали мерять мою грудь,
Повернули первый раз —
Полились слезы с глаз.

17

Только мера застучала
Над моею головой,
Все начальники сказали:
Принят парень молодой.

Загремела медна мерка
Над моей над головой,
Заревела моя милка
Пуще матери родной.

Эх, забрякали ножнями
Над моей над головой,
И посыпались куделечки
С головушки долой.

Отходили мои ноженьки
По здешней стороне,
Относил я русы волосы
На буйной голове.

У приема я стояла,
У окна разбитого,
Дожидалась из приема
Милого забритого.

У приемной я стояла
У высокого окна.
Мне сказали: „Дролю взяли“.
Я заплакала, пошла.

— Брат, забрили, брат, забрили
 Наши головы с тобой!
 Брат на брата посмотрели,
 Покачали головой.

Не от кустика родился —
 От такой же матушки,
 Только на ноги поднялся —
 Взяли во солдатушки.

Что распелся, колокольчик,
 Под моею под дугой?
 Я молоденький мальчишка,
 Домой еду забритый.

Голубочик не летает —
 Крылышки обилися;
 Как узнала, его сдали —
 Ножки подломилися.

Пойду, пойду к тому дому,
 Ко проклятому приему,
 Заругаю я того,
 Кто принял ягодку мово.

Не об том я плачу, вою,
 Что чужая сторона,
 А об том больше скучаю —
 Пройдет молодость моя.

Мы — ребята рекрута,
 Нам дорога-то куда,
 Нам дорога бережком,
 На войну пойдем пешком.

Поглядите, мать, отец,
 Нас погонят, как овец:
 Через каменный мосток
 Нас погонят в Белосток.

Прощай, горы, прощай, селы,
 Прощай, милая весела,
 Прощай, город Кострома,
 Прощай, хорошая моя.

Все вагоны нагружены
 Молодыми рекрутам.
 Как же девушке не плакать —
 Сероглазый Ваня там!

Ярославская машина
Ходит не торопится,
Меня в солдаты увезет —
Сама назад вернется.

Голова, ты, голова,
Тебя обрили до гола,
Мне не жалко головы —
Жаль родимой стороны.

Эх, солдаты, эх, солдаты,
Бедные головушки;
Не видать, солдаты, вам
Своей родной сторонушки.

Тебя убьют и похоронят
На галицейской на земле,
Ни отец, ни мать над трупом
Не поплачут о тебе.

Мы с миленочком прощались,
Он сказал: „В последний раз“.
На сыру земельку пала,
Пролежала целый час.

Ой, ой, ой! Какая скука!
Ой, ой, ой! Какая даль!
Ветры буйные сказали:
Не придет, не ожидай.

39

Милый мой, моя утеха,
Я люблю, а ты уехал;
Ты уехал воевать —
Меня оставил горевать.

40

Молодые-то солдатики
В окопиках сидят;
Как во поле частый дождик,
Пули в милого летят.

41

Моего милого сдали,
На Карпатах ранили;
Отстрелили праву руку,
В лазарет отправили.

Тетя, тетя, тетушка,
Не легка работушка:
Сенокос да жнивущка —
Болят, родная, спинущка.

Мамонька не рѳдная —
Похлебѳчка холодная.
Если б рѳдная была —
Щей горячих налила.

Меня женят, меня женят
По большой неволюшке:
Стало некому работать
Во широком полюшке.

Есть у милушки калоши,
Так и мне, отец, давай;
На калоши денег нет —
Так корову продавай.

Не форси, миленочек,
Наносишьсѳ веревочек.
Не форси, миленок, форсом,

Не покрыта изба тесом;
Была я и в домике:
Вода одна на столике.

47

— Миленький, красивенький,
Прокати на сивенькой.
— Милая, красивая,
Издыхает сивая.

48

Перестал курить и пить,
Думал легче будет жить,
Эдак делал, так пытал,
Так и эдак голодал.

49

Чья это улица,
Чей это дом?
Миколка Романов
Торгует вином.

50

С неба падают листочки,
Скоро, девушки, зима.
В Питер ехать неохота —
Там чужая сторона.

III

51

Песни пой пока поется,
Выйдешь замуж — не придется,
Не придется песни петь,
Придется горюшко терпеть.

52

Неужели по нутру —
Рано будят по утру,
По такому холоду
Посылают по воду.

53

Мене мамка говорила,
Чтоб я замуж не ходила:
Она век замужем жила —
Много горя приняла.

54

Поработайте, родители,
Без девочки меня.
На тяжелой-то работушке
Вспомяните меня.

55

Не о всяком горе плакать,
Не о всяком и тужить,
Хотя замужем и худо,
Но и в девках худо жить.

Рано, рано мама встала,
 Всячины настряпала,
 Не дала накрасоваться —
 Замуж жить спроводила.

Летит галочек табун
 На большую елку;
 Отдадут меня, девчонку,
 В чужую деревеньку,
 Ко лютой свекровушки,
 К противные золовушки.

Не брани, родной отец,
 Скоро гуляночки конец:
 Расплетут девичью косу,
 Наденут бабию красу.

Неужели же случится
 Перемена на году:
 Что наденут на головку
 Бабью красоту?

Неужели это будет
 Да во нынешнем году:

Золотой венец наденут
На головушку мою?

61

Вы не льстите на хоромы —
Мне они не по душе.
За любого отдайте замуж,
Проживу и в шалаше.

62

Батюшка, отдай, отдай
В согласную семьюшку,
Чтоб меня не обижали,
Молоденькую девушку.

63

Руби, тятя, дерево,
Куда оно клонится;
Выдай, тятя, за того,
Куда дочке хочется.

64

Полюбила я, девчонка,
Да далече сторона;
Буду мамоньки проситься,
Чтобы выдала туда.

65

Запевай, подружка милая,
Я люблю, как ты поешь.

Не последнее ли лето
Со мной, милая, живешь?

66

Пеки, мама, пироги,
Последний год побереги,
Дай поспать, понежиться,
Да поиграть, потешиться.

67

Погодите, не рубите,
Дайте цвету расцвести;
Погодите, не жените,
Дайте милке подрасти.

68

Все свисточки просвистели,
На вокзале не свистят;
Все товарищи женаты,
Я у тяти не женат.

69

Запряги-ко, тятка, лошадь,
Сивогривого коня;
Поезжай-ко, батка, сватать
Ты девчонку за меня.

Позволь, тятенька, жениться,
 Позволь взять кого хочу:
 Не позволишь доброй волей —
 С милой в Питер укачу.

IV

71

Сегодня щи,
 И завтра щи;
 Приходи, моя милáя,
 На печи меня ищи.

72

Ах, ты, милка моя,
 Зачем бледненькая?
 Про тебя говорят,
 Что ты бедненькая.

73

Ах, ты, миленька,
 Забедовенька,

Я за то тебя люблю —
Ты молоденька.

74

Полюбила я такова —
Четыре брата у него,
Еще золовка пятая;
Семейка не богатая.

75

Нам не дороги часы,
Не дороги калоши;
Нам не дороги богатые,
Дороги хороши.

V

76

Много звездочек на небе,
Но одна яснее всех.
Много мальчиков в беседе,
Но один милее всех.

По жердинке я иду,
Жердинка так и ломится,
Милой взглядом поведет —
Сердечко успокоится.

Милый пишет осторожно,
Просит милую, как можно,
Ноньче замуж не ходить,
Меня, мальчишку, погодить.

Что ты, белая березочка,
Ветру нет, а ты шумишь?
Что, ретивое сердечко,
Горя нет, а ты болишь?

Поиграй повеселей,
Моя ягодиночка:
От сердечка отвалится
Горя половиночка.

Ой, милашечка, тоска.
Иссохло сердце, как доска:
По тебе, девчоночка,
Позеленел, как елочка,

Кабы, милая, не ты,
 Не имел бы сухоты,
 Не ходил бы каждый вечер
 До полуночи сюды.

Не деревня меня сушит,
 Сушит сухотиночка;
 Сушит сухотиночка —
 Девчонка сиротиночка.

До чего дозавлекала
 Молодого паренька —
 Ничего его не держит:
 Ни болото, ни река.

Дороги мои подружки,
 Как вы глупо судите,
 Посидите сами с тем,
 Которого не любите.

— Сядь-ко, сядь-ко со мной рядом,
 Земляниченка моя.
 — Я не сяду с тобой рядом —
 Я сердита на тебя.

— Ах ты, белянка белая,
 Куда с ведрам бегала?
 — Милый мой, не за тобой —
 На колодец за водой.

VI

В нашем поле круты горы,
 Соловьям негде летать;
 От домашних нету воли
 С тобой, милый мой, гулять.

Проводи, милый, до дому
 Да послушай у окна,
 Как меня родимый батюшка
 Ругает за тебя.

Ты скажи, моя милая,
 Чего дома говорят?

— За гуляньицо ни слово —
За тебя, милый, бранят.

91

За твои за черны глазки
Дома держут на привязке;
Только ходу молодой
На колодец за водой.

92

Из-за милого дружка
Не раз попало ремешка,
Еще ладили побить:
Не велят дружка любить.

93

Посвети-ко, месяц ясный,
Посвети-ко молодой,
Посвети по той дороге,
Где мой ходит дорогой.

94

Я хотела тебя встретить,
Я хотела проводить;
Посмотрю: родимый батюшка
В окошечко глядит.

95

Проводи, милый, подале,
Чтобы наши не видали,

А как наши подглядят —
Живую девушку съедят.

96

Брось-ка, милый, эту моду
На крылечко провожать:
Твой следочек не заносит,
Будет мамонька ругать.

97

За миленочка веревочкой
Постала мама бить.
Я по совести сказала:
— Хоть убей, буду любить.

98

Говорила я отцу:
Не работница расту,
Я работница тому,
Кто мил сердцу моему.

99

Отдавайте, не зевайте,
Нет,—так прозеваете:
Без дозволенья выйду замуж,
Дочки не увидите.

100

Девушка не травушка —
Не вырастет без славушки;

231

Как молодчик подойдет —
Худая славushка пойдет.

101

Ветерочки на кусточки,
Все листочки разнесло,
На меня худая слава,
Точно ветром нанесла.

102

С горя ноженьки не ходят,
На свет глазки не глядят:
Меня девушку поносят,
Одно худое говорят.

103

Я стояла с черным дубом,
А сказали: с милым другом;
Вот какой ноне народ —
Понахвастает, наврет.

104

Пропускай, подружка, славу —
Этой славы не боюсь;
Этой славы не боюсь,
Когда сама не промахнусь.

105

Мои всегда веселы глазки,
Им и плакать не с руки;

Перетерпят мои глазки
Хоть какие пустяки.

106

Говорят, говорят,
Славушку наносят;
Потерпи, ретивое:
Поговорят да бросят.

VII

107

Милый Саша, воля ваша,
Хоть ходи, хоть не ходи;
Наговаривает девушка —
На это не гляди.

108

Худо, худо без рассудка,
Как своего-то нет ума;
На товарку понадеялась,
Она и провела.

109

Чай пила, жара взяла,
Окошечко открыла:

233

Задушевная подружка
Милого отбила.

110

Говорят: платок — разлука,
Я нарочно два отдам:
Не платочки разлучают,
Перебейка между нам.

VIII

111

Пойду плясать
По соломушке, —
Разодвинься народ
По сторонушке.

112

Пошла плясать —
Сапоги дерутся,
Шуба рвана, без кармана, —
Мальчики смеются.

Уже топну я ногой,
 Притопну ногой,
 Не бывать тебе, дружок,
 Большим надо мной.

Плясать итти,
 Или воротиться?
 Недалеко добежать —
 Милого спроситься.

Двух миленков полюбила —
 Ивана да Петра;
 За Ивана бранит мама,
 За Петра бранит сестра.

Пляши, моя головушка,
 Умерла свекровушка,
 Кабы свекра уморить, —
 Я бы знала, как пожить.

Мой миленочек лукав,
 Меня дернул за рукав;
 Я лукавее его —
 Не взглянула на него.

Говорили кирпичи,
 Чьи калоши на печи,
 А калоши баяли,
 Шиловски оставили.

Плясать пойду
 По поляночкам,
 Глазам поведу
 По миленочкам.

Топни-ка, ножка
 Правая немножка,
 Левая полютее.
 Милу полюбее.

П Р И М Е Ч А Н И Я

БЫЛИНЫ

1. **Алеша Попович и Тугарин.** Былина ярко отражает события времен нашествия кочевников в X—XII веках. Исторический половецкий хан Тугор-хан в былине превращен в татарского хана. Текст взят из сборника „Былины“, Учпедгиз, 1938 г.

2. **Женитьба князя Владимира.** Записана в бывшем Ростовском у., Ярославской губ. Конец, видимо, утерян.

Наличие данной записи указывает на то, что былины бытовали в Ярославской области; текст, повидимому, литературно обработан записавшим его крестьянином А. Артыновым.

Опубликована в книжке „Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губ., Ростовского уезда, Александра Артынова“, М., 1882 г., стр. 159.

3. **Федюшка Бас и польские ратники.** Былина-песня о борьбе русского народа с польской интервенцией в начале XVII века, записана в 1938 г. в дер. Стрельниково, Костромского района. Сообщена В. В. Хрящевым. Публикуется впервые.

СКАЗКИ

4. **Лисица, заяц и петух.** Записал Н. Бодров в Переславском районе (бывш. Переславль-Залесский у., Владимирской губ.). Опубликовано в сборнике А. Н. Афанасьева, стр. 23, № 14.

Одна из наиболее популярных сказок о животных (см. Аарне—Андреев, 43, 212).

5. **а, б. Об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове.** Опубликовано в сборнике А. Н. Афанасьева, стр. 123 — 125, 127 — 133. Время и место записи не указано.

Сказка имеет ряд устных вариантов (см. Аарне—Андреев, 254) и восходит к рукописной повести (см. А. Н. Пыпин, Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб, 1859 г.; П. Ровинский, Русские народные картинки, т. I, стр. 402 — 405, т. IV, стр. 271 — 290). Сатирический элемент повести — обличительное изображение суда — в устных сказочных вариантах несколько ослаблен юмористической концовкой.

с. Записал А. В. Гурьев в 1923 г. от Е. Рожковой в дер. Бухалово, бывш. Гридинской волости, Костромского у. Из фольклорных собраний Государственного Литературного Музея. Публикуется впервые.

6. **Рыбак и его сыновья.** Записал М. И. Смирнов в Переславском районе, Ярославской области (бывш. Переславль-Залесский у., Владимирской губ.). Опубликовано в сборнике М. И. Смирнова, стр. 81.

Первая часть сюжета этой сказки сходна со сказкой „Два брата“ (см. Аарне—Андреев, 303; два брата, лошадь и собака рождаются от съеденной рыбы). К этому сюжету присоединен эпизод из сказки „Победитель змей“ (см. Аарне—Андреев, 300-а). Конец сказки сходен с сюжетом второй части сказки „Охотник“, (см. Аарне—Андреев, 304; герой берет от спасенной им царевны разные предметы, с помощью которых доказывает царевне, что он ее спаситель; в нашей сказке — кузнец,

приписывающий спасение царевны себе, [наказан).

7. Три брата. Записал М. И. Смирнов в Переславском районе, Ярославской области. Опубликовано в сборнике М. И. Смирнова, стр. 91. Эта сказка принадлежит к числу распространенных сказочных сюжетов о „сивко-бурко“. Варианты ее часто встречаются в собраниях сказок (см. Аарне—Андреев, 530).

8. Два брата. Записал М. И. Смирнов в Переславском районе, Ярославской области. Опубликовано в сборнике М. И. Смирнова, стр. 90.

Сюжет данной сказки популярен, относится к циклу сказок о „богатом и бедном“ (см. Аарне—Андреев, 735. Бедняк по совету старичка с хлебом и солью бросается в реку, попадает на пир, получает в подарок чудесную овечку, отдает ее старичку и взамен получает коня; конь превращается в груды золота. Бедняк богатеет. Богач подражает ему: бросается в реку, и тонет).

9. Баба-яга. Записал Н. Бодров в Переславском районе, Ярославской области. Опубликовано в сборнике А. Н. Афанасьева, стр. 172, № 102.

Сюжет сказки очень популярен (см. Аарне—Андреев, цикл сказок о „мачехе и падчерице“).

10. Солдат. Записал М. И. Смирнов в Переславском районе, Ярославской области. Опубликовано в сборнике М. И. Смирнова, стр. 80.

Первая часть сказки сходна с сюжетом сказки „о железном человеке и чорте“ (см. Аарне—Андреев, 1162). Вторая часть является вариантом распространенного сюжета „о любовнике в виде чорта“. (Прохожий предлагает мужу выгнать из его дома нечистую силу. В нашей сказке прохожий — солдат выгоняет любовника при помощи „чудесной птицы“ — совы. См. Аарне—Андреев, 1360—1).

11. Поп и работник. Записала Е. М. Полянская от Я. П. Федорова, 45 лет, дер. Ченцы, бывш. Ильинской волости, Костромского у.

Анекдотический сюжет из цикла „о попах“ (см. Аарне—Андреев, 1730). К попадьѣ приходит дьякон, работник трижды возвращается с дороги и застаѣт дьякона у попадьи. Попадья прячет дьякона в хлев к овцам, в бочку с сажѣй. Работник вывозит дьякона в бочке и продает (якобы продает сажу), — выручает много денег. Поп подражает ему, но неудачно.

12. Как работник попа перехитрил. Записал А. Ф. Румянцев от Л. Пименовой, село Середняки, Костромского района.

Архив Ярославского областного издательства ОГИЗа. Публикуется впервые.

13. Чего на свете не бывает. Записал Андроников в бывш. Костромской губернии. Опубликовано „Т. К. Н. О.“, вып. I.

14. Злой барин. Записал А. Ф. Румянцев от А. М. Ковшиковой, дер. Лежнево, Середняковского сельского совета, Костромского района.

Архив Ярославского областного издательства. Публикуется впервые.

15. Царь и швец. Записал В. С. Максимов от портных бывш. Галичского у., Костромской губ. (см. Аарне—Андреев, 1525—1639).

Опубликовано в Собрании сочинений С. В. Максимова, издание 2-е, т. XIII, ч. 1, стр. 58 — 60.

16. Почему царя Николая кровавым звали. Записал А. Ф. Румянцев от Л. Пименовой. Сказку Л. Пименова слышала от своей бабушки в дер. Симаково, Костромского района.

Архив Ярославского областного издательства. Публикуется впервые.

НАРОДНАЯ ДРАМА

17. Афонька и барин. Записал С. В. Максимов в бывш. Костромской губернии.

Опубликовано в Собрании сочинений С. В. Мак-

симова, издание 2-е, т. XIV, ч. 2, стр. 51—52.

18. **Афонька малый.** Списано Н. Огурцовым в 1909 г. в дер. Кладово, бывш. Давыдовской волости, Пошехонского у., со списка, хранящегося у крестьянина Ивана Алексеевича Сухарева. И. А. Сухаревым тексты записаны со слов крестьянина дер. Фендюковой, бывш. Катринской волости, Пошехонского у., Никанора Феофанова (слышал и перенял на военной службе). Текст пьесы „Афонька малый“ дополнен Н. Огурцовым с устной передачи от крестьянина Дмитрия Куприянова (дер. Кладово). Опубликовано в газете „Голос“, 1909 г., №№ 205 и 206.

19. **Помещик и староста.** Записано в бывш. Костромской губ. в 1914—1919 гг. Опубликовано в „ТКНО“, стр. 63, № 89.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧЕТЫ

20. **Не было ветру.** Записано от А. Ветровой, дер. Сельцо, бывш. Костромской губ.

Архив Костромского музея краеведения. Песня пелась на „сговорах“, когда сватья сядут за стол.

21. **Воля милым девушкам.** Записал А. Д. Титов в Даниловском районе. Опубликовано в книге А. Титова „Кр. св.“, 1930 г. Песня пелась девушками под окнами во время сговорок.

22. **Вострубила трубонька.** Записал А. Д. Титов в Даниловском районе. Опубликовано в книге А. Титова „Кр. св.“, 1930 г.

23. **Что вы спите, — высыпайтесь.** Записал А. Д. Титов в Даниловском районе. Опубликовано в книге А. Титова „Кр. св.“ Причет невесты на следующий день после „сговорок“.

24. **Как засвагала сваха милая.** Записал А. Д. Титов в Даниловском районе. Опубликовано в книге А. Титова „Кр. св.“ Песня девушек на „пропойках“.

25. Ты прости-ко, краса девичья. Записал С. Н. Дерунов в бывш. Пошехонском уезде. Напечатано в „ТЯСК“, вып. I, 1868 г. Причет невесты по „красоте“.

26. Ветры буйные, разбушуйтеса. Записал С. Н. Дерунов в бывш. Пошехонском уезде. Опубликовано в „ТЯСК“, вып. I, 1868 г. Свадебная песня.

27. Из-за лесу, лесу темного. Записал И. Д. Преображенский в дер. Нажарово, Пушкинской вол., Костромского у. Опубликовано в „Костр. Г.В.“, 1904 г. № 1. Свадебная песня.

28. Подъехал я, друженька. Записано в селе Мироханове, бывш. Чухломского у. Опубликовано в „Костр. Г. В.“, 1908 г. „Наговор дружки“.

29. Ты, родимый батюшко. Записано в бывш. Костромской губ. Опубликовано у Киреевского (Новая серия), вып. I. Причет невесты родителям.

30—33. Причеты матери по умершему сыну. Записаны А. Д. Титовым в бывш. Ростовском у. Опубликовано „Яр. З“, 1910 г. № 3.

34. Причет жены по мужу. Записан С. Я. Деруновым в селе Козьмодемьянском, бывш. Щетинкинской вол., Пошехонского у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1891 г. № 13.

ПЕСНИ

35. Мтицы. Скоморошья песня, изображающая словесные отношения древней Руси. Записана в 1908 г. в дер. Пронино, около Рыбинска, от слепого певца — крестьянина дер. Быдрей, бывш. Костромской губ. Опубликовано „Э. О.“, 1909 г., кн. LXXXIII.

36. Трынды мои трындушки. Записана в бывш. Пошехонском у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1853 г. № 33.

По словам собирателя П. Шестерина песня игровая, сложена деревенскими портными-„отходниками“. Однако содержание песни заставляет предполагать,

что она возникла в среде бурлаков, от которых и была воспринята рабочими-„отходниками“

37. Ах ты, батюшка, Ярославль город. Песня относится к циклу безымянно-молодецких. Опубликовано: Н. П. Андреев, „Русский фольклор“, Учпедгиз, 1938 г., стр. 545.

38. Ой, рябинушка, ой, кудрявая. Записана С. Я. Деруновым в селе Козьмодемьянском, бывш. Щетининской вол., Пошехонского у. Опубликовано в „Яр. Г. В.“, 1890 г. № 8.

39. Уж ты, гуленька, ты, мой голубочек. Тюремная. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский Ф., вып. I, стр. 7, под № 17.

40. Вы скажите, мысли, про мое несчастье. Тюремная. Записана в бывш. Угличском у., Ярославской губ. Опубликовано в журнале „Мин. нар. просв.“ 1892 г. Литературное прибавление 2-е, стр. 15.

В некоторых вариантах эта песня относится к группе рекрутских.

41. Из деревни в Питер слышно. Рекрутская. Записана А. Архангельским в бывш. Пошехонском у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1890 г. № 40.

42. Как по Питеру гуляли. Рекрутская. Записана Фроловским в селе Архангельском, бывш. Мышкинского у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1888 г. № 49.

43. По Мологской-то дорожке. Рекрутская. Записана Фроловским в дер. Василисино, бывш. Мышкинского у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1888 г. № 90.

44. Что повадился Ванюша, Рекрутская. Записана Е. Овчинниковым в бывш. Пошехонском у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1872 г. № 29.

45. Вы подумайте, миряне. Рекрутская. Записана А. К. Мореевой в 1924 г. в дер. Фелсеево, бывш. Переславль-Залесского у. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

46. Поехал во солдаутшки-улань. Солдаутская. Записана Е. М. Полянской от М. А. Алексеевой в дер. Юрково,

бывш. Ильинской вол., Костромского у. Архив Костромского музея краеведения. Публикуется впервые.

47. Спородила меня матушка на горя сына. Солдатская. Записала в 1913 г. Е. Д. Макарова в селе Кишино, Андреевской вол., Костромского у.

Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

48. Измученный, истерзанный. Солдатская. Записана Е. Елховским от П. Шепелевой в 1927 г. в дер. Кичибухино, Переславского района. Архив Ярославского областного издательства. Публикуется впервые.

49. Под ракигою зеленой Солдатская. Записана С. П. Бородиным от И. Д. Новотелова в 1924 г. в Федоровской слободе, бывш. Переславль-Залесского у. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

50. Полоса ли моя, да полосонька. Записана В. Орловым в 1841 г. в бывш. Ярославской губ. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1892 г. № 31.

51. Отдают молоду. Записана С. Я. Деруновым в селе Козьмодемьянском, бывш. Пошехонском у. Опубликовано „Яр. Г. В.“, 1891 г. № 27.

52. Подойду ли я. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 34, под № 86. По сообщению собирателя, песня хороводная.

53. Я сегодняшнюю ночьку мало спала. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 10, под № 26.

54. Голова болит Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 39, под № 96. По сообщению собирателей — хороводная.

55. Эко сердце, эко бедно, бедное мое. Записано в бывш. Мологском у., Ярославской губ. Опубликовано: Лопатин и Прокунин, № 35.

56. Деревенька, ты, деревенька. Записана в бывш.

Посехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1870 г. № 5.

57. Ты не лъсти, милый, словами. Записана в бывш. Посехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1870 г. № 23.

58. За что Сашу люди любят. Записано в 1924 г. в дер Малышково, бывш. Коряковской вол., Костромского у. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

59. Все-то милые подружки. Записал Б. Рудин от Ив. Ант. Кочеткова в бывш. Костромской губ. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

60. Вы не дуйте ветерочки. Записал Б. Рудин от Ив. Ант. Кочеткова в бывш. Костромской губ. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

61. Цвели в лужках цветики. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 3, под № 10.

62. Мой миленок-хорошенек. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 33, № 84.

63. Уж ты, сад, ты, мой сад. Записана А. Архангельским в бывш. Посехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1891 г. № 6.

64. Текут речки, текут быстры. Записана в бывш. Посехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1870 г. № 42.

65. Нигде милого не вижу. Записана в 1935 г. от И. А. Фимнова, колхоз „Ясная поляна“, Солигаличского района. Архив Ярославского областного издательства.

66. Ноченька проходит. Записана С. Я. Деруновым в селе Козьмодемьянском, бывш. Щетининской вол., Посехонского у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1891 г. № 7.

67. Что не ягода лесная. Записана М. В. Лугиной в бывш. Костромской губ. Опубликовано: Шейн, т. I, № 882.

68. **За грибами в лес девицы.** Записана С. Е. Елховским в 1927 г. в дер. Куряниново, Переславского района. Архив Ярославского областного издательства. Публикуется впервые.

69. **Не летай, соловей.** Игровая. Записана в г. Мологе. Опубликовано в „ТЯСК“. Вып. I, стр. 32. А. А. Фенютин. „Увеселения гор. Мологи в 1820—1832 гг.“.

70. **Невеличка птичка-пташечка.** Хороводная. Записана в г. Мологе, бывш. Ярославской губ. Опубликовано в „ТЯСК“, вып. I, стр. 11.

71. **Вейся ты, вейся, капустака.** Хороводная. Записана в 1848 г. в бывш. Ростовском у., Ярославской губ. Опубликовано „Живая старина“, 1892 г., вып. III, стр. 155.

72. **Одинока, одинока, одиночество мое.** Игровая. Записана В. Орловым в 1841 г. в бывш. Ярославской губ. Опубликовано в „Яр. Г. В.“, 1892 г. № 32. А. Титов. Крестьянские песни Ярославской губ. первой половины XIX в.

73. **Водвух польцах.** Хороводная. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовано: Лаговский, вып. I, стр. 36, под № 90.

74. **Пошел козел в огород.** Игровая. Записана в бывш. Галичском у., Костромской губ. Опубликовал Лаговский, вып. I, стр. 40, под № 97.

75. **По белой по пороше.** Игровая. Записана В. Орловым в бывш. Ярославской губ. „Яр. Г. В.“, 1892 г. № 31.

76. **Где ты был, зайныка.** Игровая. Записана в бывш. Пошехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1870 г. № 42.

77. **Уж я сеяла, сеяла ленок.** Хороводная. Записана в г. Мологе. Опубликована в „ТЯСК“, 1866 г., т. I, стр. 102—103.

78. **Уж ты, пряха ли, копылица моя.** Плясовая. Записал Г. И. Лебедев в 1922 г. в г. Чухломе. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

79. Куманечек, побывай у меня. Плясовая. Записала М. И. Кострова на свадьбе от плясавших женщин в 1924 г. в Рыбацкой слободе бывш. Переславль-Залесского у. и вол. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея.

80. Была Дунюшка шутлива. Плясовая. Записал Г. И. Лебедев в 1922 г. в г. Чухломе. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

81—115. Колыбельные песни. Записаны С. Е. Елховским от К. Прохоровой в 1927 г. в дер. Кураминово, Переславского района. Архив Ярославского областного издательства. Публикуются впервые.

ПЕСНИ РАБОЧИХ

116. Близко, близко городочка. Старая фабричная песня. Опубликовано в „Новом российском песеннике“. Три части, 1791 г., ч. III, стр. 33, откуда перепечатана Соболевским, т. VI, № 553, стр. 466.

117. Фабричные ребята. Записана А. Архангельским в бывш. Пошехонском у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1890 г. № 33.

118. Девки строили палаты. Фабричная. Записала Л. М. Поляк в 1924 г. в бывш. Переславль-Залесском у., Владимирской губ. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

119. Я московский был прядильщик. Старая фабричная песня. Записана С. П. Бородиным в 1924 г. в селе Ям, бывш. Переславль-Залесского у., Владимирской губ. Из фольклорных собраний Гос. лит. музея. Публикуется впервые.

120. Лето красное проходит. Широко распространенная среди текстильщиков песня; по свидетельству Ем. Ярославского, пелась в данном варианте на фабрике бывш. Корзинкиных (ныне „Красный Перекоп“) в г. Ярославле. Опубликовано: „Правда“ от 9 мая 1935 г.

121. Я с хозяином расчелся. Широко распространенная среди текстильщиков песня. Записана А. А. Флоридовым в селе Иваново, бывш. Ярославского у. Опубликовано: „Яр. Г. В.“, 1888 г. № 9.

122. У Корзинкина во ткацкой. Записана М. Орловым в 1909 г. на фабрике бывш. Корзинкина, г. Ярославль. Опубликовано в газ. „Северный рабочий“ от 8 марта 1937 г.

123. Десяти лет от рожденья. Стихи рабочего фабрики „Красный Перекоп“ И. Удалова, напечатанные в стенной фабричной газете „Веретено“ № 22, от 10 мая 1924 г.

124. Товарищи, надо помянуть, непременно помянуть надо. Это стихотворение ходило по рукам рабочих фабрики бывш. Корзинкиных в 1906—1907 гг. Опубликовано в сатирическом журнале „Ярославская колотушка“ № 7, 1906 г.

125. По реченьке быстрой. Песня сатирического характера, пользовалась особой популярностью в 1905 г. Записана учительницей Поповой в селе Орбово, Лазарцевского сельсовета, Ростовского района. Архив Ярославского областного издательства.

126. В Ярославле в пятом годе. Записана М. Орловым в 1909 г. на фабрике Корзинкиных (г. Ярославль). Опубликовано в газете „Северный рабочий“ от 18 марта 1937 г. Архив Ярославского областного издательства.

127. Я нашел, друзья, нашел. Записана в г. Ярославле. Опубликовано: „Библиотечка коммуниста“, 1922 г.

128. Нагайка, ты, нагайка. Популярная революционная песня. Записана Н. Г. Ширяевой в г. Костроме. В 1905 г. одно из четверостиший этой песни было опубликовано в газете „Пролетарий“ № 22.

129. Славься, славься, царь Николай. Стихи из листовки 1905 г. Архив редакции истории фабрики заводов. Стенограмма бесед со старыми большевика-

ми фабрики „Красный Перекоп“ от 12 апреля 1933 г.
130. Стреляй, солдат, в кого велят. Песня, пользовавшаяся большой популярностью во время революции 1905 г. среди рабочих фабрики бывш. Корзинкина. Архив редакции истории фабрик и заводов.

ЧАСТУШКИ

Бывш. Даниловский у., Вятской вол., д. Федяево, №№ 1, 12, 16, 81, 106, 110.

Бывш. Даниловский у., №№ 20, 23, 46, 48, 115, 118, 119, 120.

Бывш. Костромской у., Левашевская вол., дер. Шахово, № 49.

Бывш. Костромской у., Сандагорская вол., №№ 5, 37, 38, 42, 43, 50, 51, 65, 66, 76, 77, 79, 84, 85, 92, 95, 96, 97.

Бывш. Костромской у., №№ 4, 7, 9, 15, 22, 35, 40, 41, 55, 56, 57, 58, 60, 74, 78, 80, 101, 109, 113.

Бывш. Мышкинский у., №№ 11, 19, 25, 31, 39, 45, 52, 53, 54, 62, 63, 67, 71, 72, 75, 86, 87, 90, 91, 98, 99, 108, 112.

Бывш. Ростовский у., №№ 14, 17, 26, 27, 34, 44, 59, 61, 68, 73, 88, 89, 93, 100, 104, 105, 107, 114, 116, 117.

Бывш. Рыбинский у., село Прозорово, №№ 2, 3.

Бывш. Рыбинский уезд, №№ 18, 21, 24, 28, 29, 32, 36.

Бывш. Угличский у., № 10, 13.

Бывш. Ярославский у., №№ 6, 8, 30, 33, 47, 64, 69, 70, 82, 83, 94, 102, 103, 111.

Частушки взяты из „Сборника деревенских частушек“ Симачова В. И. (Ярославль, 1913 г.), из газет и журналов („Я. Г. В.“, „ТЯСК“, „ТКНО“, „Костр. Г. В.“ и др.), а также из архивов Ярославского, Костромского, Рыбинского, Ивановского научных обществ по изучению местного края.

Список источников, на которые составители делают ссылки в примечаниях

Андреев Н. П. „Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне“, П. 1929 г.

Афанасьев А. Н. „Народные русские сказки“, под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, изд. „Академия“, т. I, 1936 г.

„Голос“. Яр. 1909 -- 1917.

„Живая Старина“ 1892 г., вып. I.

Журнал Министерства народного просвещения. 1892 г. Литературное прибавление.

Киреевский П. В. „Песни“, новая серия, вып. I, М. 1911 г.

„Костромские Губернские Ведомости“. (Костр. Г. В.)

Лаговский Ф. „Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губернии“ (собранные и положенные на ноты Ф. Лаговским). Вып. I, Череповец. 1877 г.

Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Сборник русских народных лирических песен, ч. I. М. 1889 г.

Смирнов М. И. „Сказки и песни“, М. 1922 г.

Соболевский А. И. „Великорусские народные песни“, тт. I — VII, П. 1895 — 1902.

Тигов А. А. „Крестьянская свадьба Даниловского уезда, Ярославской губернии“. 1930 г. (Титов А. „Кр. св.“)

Тигов А. А. „Ярославский уезд“, М. 1884 г. (Титов, „Яр. у“).

„Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края“, Кострома („Т. К. Н. О.“)

„Труды Ярославского губернского статистического комитета“, вып. I, 1866 г., вып. V, 1869 („ТЯСК“)

Шейн П. В., „Великорусс в своих песнях, обрядах,

обычаях, верованиях, сказках, легендах" т. I, вв. 1 -- 2.
1900 г.

"Ярославские Губернские Ведомости", Яр. 1831—
1917 („Яр. Г. В.“)

"Ярославские Зарницы", Яр. 1909 — 1910 („Яр. З“).

"Этнографическое Обозрение". 1909 г., кн. LXXXIII
(„Э. О.“).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

Былины

1. Алеша Попович и Тугарин	15
2. Женьтьба князя Владимира	28
3. Федюшка Бас и польские ратники	30

Сказки

4. Лисица, заяц и петух	32
5. Об Ерше Ершовиче сыне Щегинникове	35
6. Рыбак и его сыновья	49
7. Три брата	56
8. Два брата	66
9. Баба-яга	68
10. Солдат	71
11. Поп и работник	74
12. Как работник попа перехитрил	79
13. Чего на свете не бывает	81
14. Злой барин	84
15. Царь и швед	89
16. Почему царя Николая кровавым звали	92

Народная драма

17. Афонька и барин	96
18. Афонька малый	98
19. Помещик и староста	105

Обрядовые песни и причеты

Стр.

20. Не было ветру	107
21. Воля милым девушкам	108
22. Вострубила трубонька	109
23. Что вы спите, — высыпайтесь	110
24. Как засватала сваха милая	111
25. Ты прости-ко, краса девичья	113
26. Ветры буйные, разбушуйтесь	115
27. Из-за лесу, лесу темного	116
28. Подъехал я, друженька	117
29. Ты, родимый батюшко	120

Причеты по умершим

30. Ты, родимо мое дитятко	121
31. Ты гости, мое родимое	122
32. Ты прощай, мое родимое	124
33. Уж пойдем мы, горе-бедное	124
34. Ты послушай меня, ясен сокол	126

Песни

35. Мгицы	128
36. Трынды мои трындушки	132
37. Ах ты, батюшка, Ярославль город	134
38. Ой, рябинушка, ой, кудрявая	136
39. Уж ты, гуленька, ты, мой голубочек	136
40. Вы скажите, мысли, про мое несчастье	137
41. Из деревни в Питер слышно	138
42. Как по Питеру гуляли	139
43. По Мологской-то дорожке	141
44. Что повадился Ванюша	141
45. Вы подумайте, миряне	143
46. Поехал во солдатухи-улану	144
47. Спородила меня матушка на горя сына	145
48. Измученный, истерзанный	146

	<i>Стр.</i>
49. Под ракитой зеленой	147
50. Полоса ли моя, да полосонька	148
51. Отдают молодую	149
52. Подойду ли я	151
53. Я сегодняшнюю ночку мало спала	153
54. Голова болит	153
55. Эко сердце, эко бедно, бедное мое	156
56. Деревенька, ты, деревенька	156
57. Ты не льсти, милый, словами	157
58. За что Сашу люди любят?	157
59. Все-то милые подружки	158
60. Вы не дуйте ветерочки	159
61. Цвели в лужках цветики	160
62. Мой миленок-хорошенек	161
63. Уж ты, сад, ты, мой сад	163
64. Текут речки, текут быстры	164
65. Нигде милого не вижу	165
66. Ноченька проходит	166
67. Что не ягода лесная	167
68. За грибами в лес девицы	169
69. Не летай, соловей	171
70. Невеличка птичка-пташечка	172
71. Вейся ты, вейся, капустка	173
72. Одинока, одинока	174
73. Во двух польцах	175
74. Пошел козел в огород	177
75. По белой по пороше	178
76. Где ты был, занька	179
77. Уж я сеяла, сеяла ленюк	181
78. Уж ты, пряха ли, коньлица моя	183
79. Куманечек, побывай у меня	183
80. Была Дунюшка шутлива	185
81. А, баю, баю, баю	187
82. А, баю, баю, баю	187
83. А, люли, люли, люли	187
84. А, качу, качу, качу	187

	<i>Стр.</i>
85. А, качи, качи, качи	188
86. А, качу, качу, качу	188
87. А, люли, люли, люли	188
88. Ты усни, усни, усни	188
89. А-а, бай, бай, бай	188
90. Уж ты, Ванечка-дружок	189
91. Спи, Ваня, до вечера	189
92. Спи, Ваня, до вечера	189
93. А-а тпру, тпру, тпру	189
94. А, дуду, дуду, дуду	189
95. Бабушка Ульяна	190
96. Курка-хохлушка	190
97. А-а, кач, кач, кач	190
98. А, качи, качи, качи	191
99. А, качиньки, качиньки	191
100. Баю, баю, баюшок	191
101. А, баю, баю, баю	191
102. А-а, бай, бай, бай	191
103. А-а, бай, бай, бай	192
104. А, баю, баю, баю	192
105. А, баю, баю, баю	192
106. А-а, бай, бай, бай	192
107. А, баю, баю, баю	192
108. А, качи, качи, качель	193
109. Укладу я Ваню спать	193
110. А, баю, баю, баю	193
111. А, баиньки, баиньки	193
112. Спи, Ваня, подольше	194
113. Как на серого кота	194
114. А, люли, люли, люли	194
115. А, качу, качу, качу	194

Песни рабочих

116. Близко, близко городочка	196
117. Фабричные ребята	198

	<i>Стр.</i>
118. Девки строили палаты	199
119. Я московский был придилицычек	200
120. Лето красное проходит	201
121. Я с хозяином расчелся	202
122. У Корзинкина во ткацкой	202
123. Десяти лет от рожденья	203
124. Товарищи, надо помянуть	205
125. По реченьке быстрой	206
126. В Ярославле в пятом годе	207
127. Я нашел, друзья, нашел	207
128. Нагайка, ты, нагайка	208
129. Славься, славься, царь Николай	208
130. Стреляй, солдат, в кого велат	209
Частушки	210
Примечания	237
Список источников, на которые составители де- лают ссылки в примечаниях	250

Переплет, титул, заставки, концовки и техническая редакция
Александрова В. Н.

Рисунки даны по мотивам ярославского народного творчества.
Корректор Гоностарева Т. Д.

Сдано в набор 27.VII.1938 г. Подписано к печати 4.XI.1938 г.
Уполномоч. облита № 13369. Тираж 5000. Заказ № 3149. Изд. № 51.
Индекс X-1-в. Формат 67×92/32. Авт. лист. 8. Печати. лист. 8.
Отпечатано в г. Костроме, Молочная гора, 3, типография имени
Максима Горького. Цена книги 2 р. 40 к. Цена переплета 1 р. 25 к.